Олег Никитин

ОДНОКЛЕТОЧНЫЙ

Олег Викторович Никитин
Одноклеточный

авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=126638
Одноклеточный: АСТ, Люкс; 2005
ISBN 5-17-028495-0, 5-9660-1138-9

Аннотация

Близкое будущее. Мир, которым правят суперкорпорации Азии. Мир, в котором уникальные компьютерные и генетические технологии стали повседневной реальностью.

Здесь идет постоянная вражда между полицией, якудзой и вышедшими из трущоб террористами-радикалами – и к этому тоже уже привыкли все. Но сейчас вражда перерастает в войну. В войну за обладание уникальными результатами тайного генетического эксперимента.

Тот, кто победит в этой войне, получит власть над миром. А значит – правил в этой войне не будет!

Содержание

1. Суббота 4
2. Воскресенье 39
3. Все ещё воскресенье 93
4. Понедельник 104
5. Вторник 147
Конец ознакомительного фрагмента. 155

Олег В. Никитин
Одноклеточный
роман

1. Суббота

Мне нравятся сумерки, скрывающие моё уродство. Чем раньше они наступают, тем лучше. Но в нашем городе лето долгое, а солнце торчит на небе как приклеенное, почти не двигаясь.

Так что лету я предпочитаю зиму, и каждое утро после солнцестояния гляжу на пыльный цифровой календарь над кроватью и высчитываю, на сколько минут и секунд будет короче наступающий день. Всегда получается минута, а с секундами у меня путаница. А до двадцать первого июня этой полоски с цифрами для меня не существует. То есть я смотрю мимо неё, сразу вверх, и тщательно запоминаю дату. Вот как сегодняшнюю: пятнадцатое ноября.

Признаться, с математикой у меня в школе была проблема. По другим-то предметам – прикладная генетика, программирование роботов, культура устной речи и так далее, я хорошо учился, то есть не хуже прочих. Пока слушаю, все понятно, просто прозрачно до удивления, а как вижу на бу-

меле цифры, то словно отталкиваюсь от них или придумываю, что бы они могли обозначать. Скажем, пятёрка – это число пальцев на руке, и что с рукой станет, когда поделишь её на два. И как делить, вот ещё в чём вопрос – вдоль или поперёк? И так далее. Пока об этом думаешь, время и вышло, пора скидывать решение на лэптоп учителя, а что там скидывать, кроме пустой страницы? Мне наш участковый врач, вечно пьяный, в детстве часто говорил: «Егор, ты дитрана, что ли, облопался? Все признаки изменённого мышления». По-моему, он всё-таки мне не верил, вечно ведь у него разные психи с нашей улицы толклись – кто на химии какой сидит, кто сетевыми глюками мается, а бывают и грибники, что на Полосе пасутся. Видел же мой чёрный паспорт, а всё равно почему-то не верил. Наверное, у него самого мышление сдвинулось в наркоманскую сторону. Если бы удосужился как следует мой ген-паспорт изучить, то узнал бы, что у меня не изменённое мышление, а замедленное. Но ему, врачу то есть, всё равно было. В том квартале, где мы жили до переезда в свой дом, ещё не такие случаи бывали.

Так вот, одно время я не брился, растил волосы на щеках, потому что подглядел в городском аквариуме, как растут водоросли. И как между ними шныряют искусственные рыбы. Одни большие, как человек, другие совсем маленькие, но зато разноцветные. Некоторые рыбки светились, потому что их с медузами скрестили.

Я внимательно прочитал все таблички на стекле, ещё раз

запомнил названия рыб и отыскал каждую в толще воды. «Ещё раз» – потому что я уже запоминал их в когда-то, только забыл. Только про морского котика и облезлого пингвина я хорошо помнил, как они называются.

Я глядел, как рыбы мечутся в разных подводных кустах, а те только плавно шевелятся где-то внутри. Кончики водорослей почти при этом не двигались. «Эге, – подумал я тогда. – Если я стану с бородой, то никто не заметит, что у меня шея тоже волосатая». Странная идея, правда? Но тогда показалась мне стоящей. Просто у меня ген Леф-1 мутировал, и на всём теле повышенная волосатость, особенно в паху и на груди. Даже на спине волосы растут, только не густо. Кроме Леф-1, ещё несколько генов нарушено, вот из-за них-то я к болезни Альцгеймера предрасположен и мышление замедленное.

Зимой и ранней весной кожа у меня светлая, будто природная желтизна вовсе на ней не держится, а глаза широко распахнуты, как у героя манга. Словно я вечно в удивлении. Папаша считает, что у меня атавизм. Где-то в Инете передачу поймал, про генетическое оружие – дескать, лет сорок назад террористы вывели штаммы особо стойких вирусов и заслали их к неверным. К нам в южные Курилы их тоже много попало. От вирусов этих и вымерли белые люди, потому что стали бесплодными. А мне, значит, передалось их тяжёлое наследие, в форме моего уродства. От этого же, мол, и в мозгах неполадка. Про бесплодие он промолчал, а я и спраши-

вать не стал. Мне вообще про девчонок трудно говорить, потому что я чувствую, как они меня боятся. Только Урсула ко мне обыкновенно относится, но она сама страшная, к тому же будущий учёный и работает с мутантами в нашем зоопарке. Странная, короче. Она же наполовину айна, а наполовину нихонка, поэтому работает изо всех сил. Полукровкам на нашем острове трудно, везде на них подозрительно смотрят.

Вообще-то я тоже такой, только мать у меня не чистокровная айна, у неё дед русский был.

Недавно, когда от монстра и мартышки в моём секторе детёныш появился, её чуть не отстранили от работы. Приехали светила генетики из Токё, хотели увезти нашу сенсацию. Но её университетское начальство встало горой, и островная куяксё помогла – охота разве такой источник будущей прибыли терять? Так мне потом Урсула объяснила. Но она всё равно думает, что долго так не протянется, не дадут ей тут работать. «Слишком дорого он стоит, – сказала она. – Дороже твоего лечения в сто раз, Егор. Они пока просто не знают правильной цены этому зверьку». Знают или нет, а никакую информацию из лаборатории стало невозможно вынести, когда у нас это пополнение случилось. И тем более передать через спутник. Университет бонзам из Токё пообещал – и усиленную охрану на весь компьютерный комплекс поставил, блокировки всякие хитрые.

Так вот, выросли у меня волосы, бакенбарды и борода, и усы тоже, долго росли. Умываться, конечно, неприятно, и та-

кое чувство, будто в них микробы зудящие поселились. Всё время чесаться хотелось и за бороду себя щипать. И что же? Ещё страшнее стал, меня даже директор зоопарка к себе позвал и сказал, что я посетителей распугиваю. Мол, они принимают меня за маньяка, переодетого в форму сотрудника. Велел сбрить «эту гадость». Я уже и сам подумывал. Ничего моя борода не скрывала, как был урод, так и остался. Рыбы в аквариуме меня просто надули.

Но вообще-то, если честно, я с самого начала не верил, что у меня получится с бородой. И рыбы тут ни при чем, будь они хоть самые натуральные иваси, из русской банки.

Из зоопарка я выехал как обычно, в десять часов вечера – в это время светофоры ещё работают, а машин на улицах уже мало. Хотя всё равно сплошняком идут, конечно. У меня старый отцовский «хорнет», десять раз битый. Вся электроника в нём давно вылетела, кроме полицейского чипа. Его каждый год меняют. Завёл на шесть тысяч оборотов, и можно не беспокоиться, что занесет заднюю шину. Бугры и колдобины от грузовиков в моём районе – а я рядом с портом живу, в одном квартале от бухты – ему нипочём. Вообще-то мне на кибертране было бы удобнее ездить, и тратился бы меньше, но мне там не нравится, особенно по вечерам.

Как я в зоопарке оказался? Это всё из-за паспорта – пошёл, куда взяли. Никакой страховщик с таким паспортом не станет связываться, а без страховки разве куда устроишься? На хорошее место, я имею ввиду. Но я рад, что нашёл эту

работу, потому что мне нравятся живые существа – их только у нас и встретишь. Я спросил как-то у матери, почему мне не проделали генную терапию, когда я ещё в утробе сидел, но она промолчала. Это я потом понял, что тогда наша семья была ещё бедная, дома ведь своего у нас не было.

А отец сказал, будто передачу по голику вёл:

– Неравенство – неизбежная данность человеческого общества. Кто-то слишком умный, кто-то хитрый, а ты сильный…

«И тупой», – добавил бы я сейчас. Можно вообще-то упорядочить свой геном, но мне бы пришлось лет сто на операцию копить. И ещё мнё с коллегами в зоопарке повезло. Кроме Урсулы, я с Давидом общаюсь, когда время есть или в нашей кафешке встретимся, во время перерыва на обед. Сегодня мы с ним интересно поговорили. Вообще-то он в другие дни работает, чередуется со мной, а в остальное время от скуки появляется, и чтобы бонусы у начальства заслужить. Особенно в последнее время часто стал приходить, когда у моего «подопечного» монстра детёныш родился.

– Истинная вера человека не там, куда он идёт, когда ему плохо, – сказал Давид, – а там, куда он идёт в хорошем настроении. Вот ты во что веришь в этой жизни, Егор? Сначала нужно сделать так, чтобы у тебя внутри наступила гармония. Вот ты куда идёшь, когда тебе хорошо?

– В бар, – ответил я. – Мне тут нравится. Или опять к животным, робококов проверять.

– Вот и вся твоя вера! Посидеть в тепле и послушать музыку, глядя в свои сёнэн-манга! Хентай бы уж тогда покупал, как взрослые люди… А чего ты хочешь на самом деле? Вот подумай толком и скажи.

– Гены вылечить, вот чего я хочу. Будто не знаешь?

Давид в секторе для нормальных животных работает. То есть которые раньше назывались домашними, когда их ещё в домах держали, и некоторых «диких» вроде ворон, которые уцелели. Сейчас у него какие-то с ними проблемы, то ли инфекция, то ли просто бесятся. Сиамские кошки стали шерсть на себе жевать, а остальные мочатся где попало и дерутся. Попугаи вообще себе и друг другу перья вырывают, скоро совсем голые станут. С собаками тоже беда. Вот ему и подсунули руководство, как их надо методом поощрения, и так далее, лечить. Это не считая разной химии, но таблетками штатный ветеринар занимается и ещё Урсула.

По-моему, Давид из руководства учительских замашек нахватался.

– А вот это уже называется комплексом неполноценности, дружище. И если ты хочешь излечиться, то это ошибка, ведь иначе ты не заговорил бы со мной о своём истинном желании! А значит, так никогда и не попал бы на правильный путь. Знаешь, с какими запросами ко мне обращаются? Ха! Просветление, Истина… А начнёшь копать – им потрахаться не с кем. Вот Урсула, например.

– А что Урсула? – насупился я.

– Давай ты будешь моим учеником? – не услышал меня Давид. – Тансегрити займёмся. Это особые упражнения индейских магов, физические и дыхательные. Вслух Годдарда почитаем. Только ты называй меня не учителем, а по-мексикански – нагвалем.

Я пожалел, что оставил своего толмача в ангаре для робококов. Сразу два незнакомых слова! А ещё мне стало приятно, что такой необычный человек, как Давид, спустя всего месяц после знакомства делает мне такое предложение. Вообще-то он, как говорит, «представитель контр-культуры» и не признаёт психоделиков, а это настораживает. Он и меня считает таким же – мол, я уже почти достиг чистоты сознания, осталось только лоск навести. И работает он с нормальными животными, а не с мутантами, как я. Директор сказал, что обычные звери меня бы испугались. Или наоборот, избрали бы вожаком, и тогда я поднял бы восстание животных.

Пока я думал, Давид копался в бесплатных фруктах и выуживал шкурки. Они скопились на дне корзинки. Он бросал их в пакет, уже наполовину забитый всяким пищевым мусором. Я знаю, что он делает из него пасту и заряжает с её помощью батарейки для своего смарта. Я бы тоже стал так делать, но Давид уже подбил меня таскать ему объедки из клеток. И у меня нет этого прибора, который электричество из пасты вырабатывает. Приходится смарт к розетке раз в месяц подключать.

– А почему не сэнсэем? – вспомнил я интересное слово

из какой-то манга.

– «Нагваль» круче звучит… А сэнсэй – он и в школе сэнсэй, и в монастыре каком-нибудь. Это хорошо, что ты в зоопарке с разными монстрами работаешь. Вот я зачем сюда устроился, по-твоему? Паспорт-то у меня красный, на бирже можно было и получше что подыскать. Я тебе скажу, для чего. Посвящённые, знай, могут разговаривать не только с другими людьми, но и с животными, и с растениями! Настоящими, конечно, а не роботами – с теми каждый бака общий язык найдёт. Вот я и тренируюсь, чтобы навыки не утратить.

Он таинственно оглядел светлый куб стеклянного бара. По нему гуляли блики солнца и ветерок из кондиционеров, не считая звуков «звериных» песен. Никто, конечно, на Давида не смотрел, а вот мою дурацкую шерсть на шее уже заметил мальчишка за соседним столиком и кивал на меня своей молодой мамаше. Но женщина отчего-то выглядела рассеянной и не смотрела на меня. А сюнэн просто корчился от злорадства и страха.

– Это что! – добавил Давид. – Посвящённый может сам превратиться в животное, даже самое необычное, какого и не существует. Путешествовать по мирам своего разума, перемещаться на тысячи километров, разделяться на множество тел…

– Да ну, сказки про Обезьяну и Зайца!

– Слушай дальше, Егор. Я про настоящих нагвалей говорю, а не про обычный народ. Из зеркала вызвать существо

из иного мира – нечего делать, если умеешь. Вот ты знаешь, какие с нагвалями приключения духа и тела происходят? Я тебе скажу: с пришельцами и призраками в облике человеческом в битву вступать не раз случалось.

– Ну и ну, – растерялся я. – Я и не знал, что у тебя такая интересная жизнь. Как игра называется? Я тоже такую скачаю.

– Игра! Думаешь, я на мескалине сижу? Кактусы препарирую? – А сам что-то белое из пакетика в стакан с безалкогольным сакэ подсыпал. – Взаправду все, понял? Зачем нагвалю эта дрянь? Ты не гляди, что я химию лопаю, это лекарство, мне врач прописал.

– А я слыхал, что в битву с духами без грибов не ввязаться. И что духи живут в кактусах. Так один проповедник по голику рассказывал.

– В мозгах у него кактусы, – проворчал Давид. – Я тебе реальную секту предлагаю основать, а ты мне про грибных духов талдычишь.

– Битвы с призраками! – не верилось мне. – Расскажешь?

– Становись моим учеником, расскажу, – кивнул Давид.

Вообще-то он не слишком-то похож на героя комикса. Вот им постоянно приходится с врагами сражаться, распылять их на атомы или сдавать в полицию, если врагу почему-то повезло и он не умер сразу. Но и мускулы у них огромные, больше даже, чем у меня – раза в два, хоть я совсем не маленький. «Зато ты большой и сильный», – сказал мне отец, когда я лет

в семь осознал себя и спросил, почему я такой. А Давид щуплый и быстрый, как сперматозоид, и такой же круглолицый. Только жёлтый, конечно, и хвостик у него на затылке не такой длинный. Говорит Давид отрывисто и увлечённо, и движения у него резкие, того и гляди стакан со стола снесёт. Но посуда при мне никогда не страдала, словно в Давида встроены датчики типа автомобильных. Которые столкновений не допускают, словом. А ещё у него вместо родной правой руки механическая, она соединяется прямо с мозгом. Только средний палец на его искусственной руке всё время торчит прямо, словно Давид всех презирает. Но это всего лишь сломался какой-то из стопорных зубьев. А чинить руку он отказывается, потому что этот торчащий палец, мол, стал его формой отношения к миру обычных людей.

Давид ещё при знакомстве сказал мне, что на него пару лет назад упал контейнер, когда он в грузовом порту на каре работал. Главное вроде починили, а на руку, которой он от упавшего груза прикрылся, страховки не хватило. А так бы вкололи «фактор роста», и новая рука бы лучше прежней отросла. Владелец портового склада, когда Давид из клиники вышел, его тут же уволил.

– А справлюсь? – засомневался я.

– Само собой! Ты почти готов, стоит только потренироваться. Чтобы путешествовать в иные миры, нужно порвать все связи, которые держат тебя в нашем, примитивном мире. В первую очередь нельзя иметь семью и друзей. Никто

не должен о тебе ничего знать, понятно? Где ты родился, что любишь, какой у тебя кодек, вообще ничего конкретного.

– А как же родители? Урсула…

– Родители не в счёт, они же тебя с детства знают. А с Урсулой я тебе не советую связываться, она опыты на тебе ставит. К тому же нихонка.

Я чуть бакусю не поперхнулся. Это рисовое пиво такое, мне оно нравится, только нам на работе алкогольные напитки нельзя. Поэтому я пью безалкогольное, но мне всё равно, так даже лучше.

– Откуда ты знаешь? Про опыты? И вовсе она не нихонка, у неё мать айна. Как у меня.

– Так ты сам согласился, что ли? – накинулся на меня Давид.

– Она мне предложила позаниматься на её аппаратуре… Что плохого-то? Может, у неё лекарство от моей болезни найдётся? Ты вот можешь со своими превращениями в другого человека обратиться? Я бы тоже хотел. Только в себя нормального, без волос. И чтобы соображал поскорее.

– В себя-то? Это, может, самое сложное для посвящённых.

Давид отчего-то расстроился и сердито допил своё мексиканское пойло. Я уже стал бояться, что он передумает учить меня своему мастерству нагваля. Но он достал из-под пакета со шкурками маленький, потёртый цилиндр из матового пластика и протянул его мне, пряча от посторонних глаз. Я

пригляделся к вещице и заметил внутри натянутую нитку, а на нитке крепилась половинка лезвия. К цилиндру на колечке крепилась тонкая шёлковая нить, то есть он походил на неказистый амулет.

– Это тренажёр для телекинеза, – таинственно произнёс Давид. – Ставишь его перед собой и поворачиваешь лезвие собственной мыслью.

– Как это?

– А вот так. Когда станет получаться, покажешь мне, и тогда будем двигать предметы потяжелее. Тут главное – направить усилие сразу из двух мозговых центров, межбровного и нижнего. Тогда крутящий момент возникнет.

– Нижнего – это в ноге, что ли?

– Лучше всего из паха. Если у тебя с либидо порядок, то проблем не будет. Запомни – два энергетических центра, иначе не сработает.

– Да я не знаю, какой там порядок… – смутился я. – А если… центры неразвитые, то сработает?

– Так тренируйся! Зачем они тебе даны? И во сне, и в дороге пытаться надо – всегда носи его с собой и пробуй, даже когда не видишь, получается или нет. Тогда дело быстрее пойдёт.

Тут перерыв подошёл к концу, и мы отправились каждый на свой участок работы. И пока я за робококами следил, как они между моим ангаром и клетками снуют или возле стойки подзаряжаются, вертел этот тренажёр и старался лезвие по-

вернуть. Но потом понял, что работа меня отвлекает. А тут ещё один старый робокок подвернул стальную лапку, угодив ей в бетонную трещину на полу. Пришлось снимать ему брюшную панель и подкручивать винтик на креплении лапы, заодно пыль с микрочипов стёр и масло ему в кювету закапал. Я видел по голику рекламу робота, который как раз робококов чинит, и теперь боюсь, как бы директор её тоже не посмотрел. Тогда нас с Давидом могут запросто уволить. Нам ещё повезло, что местные робококи старой модели, их уже сняли с производства. Вообще-то их надо бы по ночам выпускать, чтобы посетителей не отпугивали. Кому понравится, когда у тебя перед носом такой большой таракан стрижёт газон или моет звериную клетку? Или объедки за животными собирает, кости всякие? Но посетители в моей зоне уродов – люди стойкие и каких-то роботов не боятся, если уж на мутантов пришли поглядеть. К тому же директору выгодно не платить мне за ночные смены, так мне Давид сказал. И по воскресеньям, когда посетителей больше всего, робококов в ангаре держат.

У меня в слесарном столе и правда детская сёнэн-манга лежит. Я в самом начале несколько книжек принёс, которые мне отец в школе покупал, случайно даже «Ой! Мой комбу» захватил. Это совсем детский комикс. Но разглядывать танкобоны мне почти некогда, а Давид заметил и с тех пор всё время в разговор вворачивает. Дескать, мне уже взрослеть пора, онну найти посмелее. Есть и такие, конечно, но тогда

у неё будут другие недостатки…

Домой я отправился, когда уже темнеть стало. Отцепил от розетки свой толмач, надел вместо зелёного комбинезона свитер из флиса и джинсы из репейного волокна. Это я весной на Полосе купил, всего за пятьсот иен. И пошёл в служебный гараж.

Толмача я давно уже себе завёл, когда ещё в школе учился – а то мне трудно было разные новые слова и людей запоминать. Чтобы операцию на мозге сделать, денег не хватило, вот отец и купил мне самую дешёвую модель. За одним ухом у меня крошечная фотокамера, за другим микрофон, и обе этих штуки цепляются к смарту, тот у меня всегда на поясе висит. И я могу записывать на свой компьютер лица новых знакомых или слова. Например, когда я говорю: «Будем знакомы!», картинка с человеком попадает в смарт вместе с его именем.

– Пока! – крикнул я робарту. Это наш автоматический диспетчер, он зоопарк охраняет. Робарт что-то непонятное скрипнул в ответ. Не по-нихонски он говорит, что ли? Я прикоснулся к датчику на двери ладонью, где у меня вшит чип-идентификатор. Между большим и указательным пальцами, в кожной складке. Чип самой простой модели, умеет только кровь обследовать и о моем самочувствии докладывать – вдруг я переутомился и не готов к работе? Или почему-то возбуждён? С таким дешёвым чипом я даже покупки не могу оплатить, приходится всюду со смартом таскаться.

А вообще у нас хороший робарт установлен. Это даже целый комплекс разных механизмов. Один за территорией следит через камеры, другой оповещает полицию и врубает сирену. А третий, говорят, может стрелять тяжёлыми резиновыми шариками и просто задолбать ими нарушителя. Мне Давид о робарте рассказал, когда моего совета вздумал спросить – как, мол, можно этого электронного сторожа облапошить? Вдруг кто замыслит наше чудо, детёныша мутанта украсть, а мы и не готовы.

Вывел я «хорнет» на улицу и поехал к морю. А чтобы новые слова не забыть, стал их толмачу надиктовывать:

– Тансегрити – это упражнения духа и тела у индейских магов, нагваль – это мексиканский учитель…

Теперь, если я их услышу, никогда не растеряюсь, потому что у меня в ухе прозвучит их толкование. Надо только спросить: «А?», когда непонятное слово прозвучит, и порядок. Видел в рекламе новые модели толмачей, так они даже без подсказки работают – мол, будто бы у человека при недоумении особый сигнал в мозгу возникает, и он, сигнал то есть, командует толмачу вмешаться и что-то пояснить. И на лицо забытого знакомого такая же реакция. Но я к своему старому толмачу уже привык, всё равно буду «а?» спрашивать, так какой же резон его менять? Вообще-то для новых толмачей много разных хороших штук придумали. Скажем, можно по имени человека из его памяти узнать, где он сейчас находится. Только это платный сервис, да мне он и ни к чему.

Чем ещё удобно ездить в позднее время – вип-каров нет. Они ведь сейчас страшные стали, просто как танки, дула из-под днища не скрываясь торчат. А у меня автоматики никакой, вип-кары в моём «хорнете» для себя прямую угрозу видят. Как будто я шахид какой, вот и отключил её, чтобы в «клиента» с пластидом врезаться. В прошлом году одна такая машина меня обстреляла, тойота навороченная. Я в рекламе эту модель видел, «фьюел селл» называется – у неё двигатель на водороде. А кислород она прямо из воздуха берет. Короче, мне повезло, только одна пуля в бедро попала. Хорошо, что полицейский чип в байке при звуках выстрелов проснулся, а то бы не выжил. Еле потом до нашей районной больницы доехал. Док увидал меня и смеется: «Ну ты у нас мафиозо, Егор! То наркотики, то перестрелки». Пришлось новую модель чипа ставить, который всё время работает и всем желающим мои данные показывает. Так дешевле вышло. Но я всё равно випов побаиваюсь, как увижу – нога ноет, словно дырка ещё не заросла.

Вообще-то я думаю, что это незаконно, боевые патроны по людям применять. В рекламе везде про резиновые пули говорится и шоковые гранаты. Наверное, для той «тойоты» защиту у русских купили, это они свинцовыми пулями шмаляют.

Как с холма спустился, так нужно поворачивать направо, вдоль портовых складов. Напротив такого склада я после школы снял квартирку со спальней и гостиной, когда роди-

тели в пансионат для престарелых переехали, а дом продали за долги. Место, конечно, шумное, только двойные стекла спасают. Прямо перед маншёном огромный склад, а за ним вереница кранов, и все постоянно работают. Особенно ночью – жуткий такой скрежет раздаётся, будто по бетону металлический контейнер волочат, и разные специальные гудки-команды. А с другой стороны маншёна, почти над ним проходит дорога кибертрана, и остановка всего в ста метрах западнее. Когда поезда тормозят, скрип хорошо слышен. Но я уже привык к вечному шуму. Особенно мне нравится, что квартирная плата низкая. Хотя у меня даже нормальная ванна есть. А Инет к нам через газопровод протянули, потому что точку вай-фай, которая на крыше стояла, хулиганы сломали. И ещё мне нравится, что у нас по углам камеры наблюдения не настоящие, а макеты из пластика. А то бы ещё за их ремонт пришлось доплачивать.

Наш дом все жильцы маншёном называют, потому что его на муниципальные деньги строили. А так дом как дом, таких в нашем районе целая куча.

За портовыми шумами я даже не услышал, как слева, из узкой дороги между складами выскочила целая кавалькада байков с выключенными фарами. Самый первый из них ударил «хорнет» по переднему колесу, руль вырвался у меня и рук, чуть не пропоров рукояткой тормоза живот. Меня буквально выбросило из седла! Перед глазами мелькнули чёрные фигуры на мощных байках, с блестящими в свете огней

шлемами.

По-моему, я стукнулся о рекламную тумбу, потому что когда мне удалось оглядеться, она была совсем рядом. Мой верный «хорнет» лежал на боку. А вокруг нас с ним стояло несколько байков, слышался глухой рык моторов и отчаянно воняло горячим машинным маслом.

– Ксо! Живой гоблин-то! – хохотнул кто-то, наклонившись ко мне. – Ты гляди, Тони, какой тучный! О бочку башкой хряснулся, и хоть бы шею свернул.

– Я не тучный.

– Да это гайдзин, банда! Гляди, глаза как в анимэ. И наверняка синие!

– А почему тогда говорит по-английски?

Мне удалось приподняться на руках и сесть, опершись спиной о круглый бок тумбы. Кажется, все кости остались целыми, только в животе пульсировал горячий комок. Там, где в него рукоять байка врезалась.

– Гляди, с толмачом ездит! Эй, ты бака, что ли? Или правда гайдзин?

Я поправил динамик на ухе, потрогал его усик, провёл пальцами до микрофона под губой. Все уцелело, только дужка немного погнулась. Я столько раз в детстве слышал вопрос «ты дурак?», что уже его не замечаю.

– Эй, ахо! Трафик-то нулевой, ты как в Тони въехать умудрился? – Этого парня я разглядел – тощий и с крупной головой, а глаза блестят как у лангуста и такие же круглые.

И будто чем-то удивлён. А на шее у него какая-то странная штука висела, прямо под челюстью.

– Ну, поехали? – спросил девичий голос.

Байкеры уже стали натягивать шлемы обратно, как один из них провёл рукой по крылу своего мотоцикла и сказал:

– Тормози, камайну. Знакомиться будем. С кого страховку трясти? С тебя, Чипаня? Или ты расплатишься, Пец?

– Ты чего, Тони?

– Вот и идите юзом. А нам с парнишкой потарахтеть надо. Надеюсь, он меня поймёт…

Он ловко спрыгнул с байка и шагнул ко мне, затем вытянул руку и коснулся моего смарта, чудом уцелевшего, когда я упал на асфальт. По коже у меня мелькнул слабый разряд тока, и я догадался, что с меня сняли имя и адрес, как при задержании. Когда меня в прошлом году в маншёне арестовывали, так же точно было.

Мне повезло, что смарт не повредился. Паспорт, карточку соцстраха и банковский код ещё можно по сети скачать, если с работы. А вот отпечатки пальцев, радужку, голос и мою голограмму пришлось бы заново в полиции снимать.

– Э, да ты чёрный! Слышь, камайну, у него чёрный паспорт. Местный он, наш, никакой не гайдзин.

– Да ну?

Любопытные байкеры тут же слезли с колёс и столпились вокруг меня, и я увидел, что среди них две девушки. Причёски у них были такие же короткие, но в ушах и губах блестели

колечки, как у модных девчонок с музыкального канала.

– Встать-то ему помогите, чего уставились? – сказала одна, поменьше ростом. Колец у неё было всего три – в губе и на бровях.

Голова у меня закружилась, и я нащупал за спиной тумбу с оборванными листами бумеля, чтобы не упасть. Огни в чёрном провале улицы, из которой вылетела ватага байкеров, плыли будто в мареве пожара. Живот вдруг скрутило, и я согнулся едва ли не пополам, унимая его горячие толчки.

– Может, в больницу отвезти? – спросила та же девица, легко раздвинув приятелей. Она глянула на меня снизу вверх, и вдруг отшатнулась. Свитер сполз у меня с плеча, и показались курчавые светлые волосы. – Ковай! – вырвалось у неё.

– Чего испугалась? – подступил вожак, но я уже поправил одежду и ничем не отличался от них, разве что был выше и крупнее каждого в отдельности. – Отойди, Аоки, а мы пошумим чутка с малюткой. Поглядите пока его самокат, чего там с ним…

– Нашёл малютку. – Аоки уже усмехалась, словно ей было стыдно своего испуга. Мне показалось, что она глянула на меня с любопытством, но это было бы глупо.

– Ты вообще как, Егор? – обратился ко мне Тони. Говорил он резко, со свистящими звуками, но некоторые буквы у него словно пропадали. Вместо них мелькали другие, которых нет в алфавите. У нас в школе некоторые парни и дев-

чонки тоже так говорили, когда цифровых глюков перебирали. – Въезжаешь, что случилось?

– Ты врезался в мой «хорнет», и я упал.

– Это с какой стороны поглядеть! У тебя на мопеде противоударный чип стоит? Не стоит. Ты нарушил правила безопасной езды, дахо. Ладно, позиционирование догадался нормальное поставить, а то бы я тебя вообще по забору размазал. Воткнул бы автоматику, и мы бы тебя заранее заметили, понял? Ты вообще въезжаешь, о чем я с тобой толкую?

– Да, я по-английски почти всё понимаю.

– Слышь, Тони, у него хондовская пукалка! Ей лет семьдесят, не меньше! Как ещё ездит-то, педаль ей в колёса? Масака! Даже не знаю, допилит до гаража или нет…

– Помолчи, Зид. Бу-коросу!

Тут вторая девица, которая до этого молчала, будто очнулась от транса и уставилась мне прямо в лицо, вытянув шею. Глаза у неё по-собачьи блеснули. А зрачки были как звёздочки, глубокие и чёрные. Я по голику видал – такие глаза у девчонки бывают, когда она циалисом закинулась, а у неё какая-то дрянь с плацентой или что-то вроде этого, не помню. И если у неё ребёнок заведется, то он может заразить её своим ген-материалом.

– А он ничего, Тони. Ты погляди, какой крепыш, а жуткий! И глаза синие… Не, мне нравятся такие тормоза, честно. Давай его в нашу банду примем? Колёса-то есть у него.

– Да кончай ты спицы красить, Флора! – рассердился гла-

варь. Почему спицы, я не понял. Может, это потому, что у неё от зрачков будто чёрные спицы расходятся? Очень похоже, правда. – Наших данконов тебе мало, момо? Уже кэцу оттопырила! Все, камайну! Молчать, ясно? Все заткнулись. Слушай крепче, рэйдзи: ты мне крыло погнул? Погнул. Значит, платить кто будет, смекаешь?

– Тони, – сказала вдруг меньшая девушка, с голубым шлемом под мышкой. Она уже вернулась к своему байку и села на него.

Голос её звучал как-то слишком строго, будто она была недовольна командиром. И причину своего недовольства ей оглашать отчего-то не хотелось. Она глянула на меня с жалостью, и от этого жжение у меня в брюхе растеклось убежавшим молоком. Девушка вдруг запустила руку в карман кожаной куртки, достала маленькую конфетку и бросила её мне. Да так ловко попала, что я схватил её зубами! Все засмеялись. Я развернул её и положил на язык, и в голове сейчас же прозвенел тихий колокольчик, стало как-то тепло и даже мягко.

– Зачем «Кокамело» тратишь? – обозлился Тони. – Штука – сто иен!

– Да ладно, не жмись! Пусть пососёт!

– Всё, я сказал, – с напором ответил их босс. – Не лезь, Аоки, в наш разговор. И кончай моими конфетами бросаться.

Она сердито напялила шлем и крутанула ручку газа, пу-

стив по улице шумное эхо. И губы при этом так крепко склеились, что колечко вперёд выпятилось. Она показалась мне очень сердитой, будто этот парень её крепко разозлил. Он и мне, честно, как-то мало нравился – стукнул в бок и ещё чего-то хочет. Но тут уж я сам виноват, что на чип никак денег насобирать не могу.

– Ну ты понял, сюнэн. Я твои данные скачал, никуда не денешься. Думай, где рубли брать будешь, а счёт я тебе на днях выставлю… Икудзо, камайну!

Байкеры прыгнули на аппараты и разом взревели моторами, чуть не оглушив меня. У них всюду, на аппаратах, одежде и байкерсах нашивки и эмблемки с собако-львами блестели – золотистые такие. Вокруг заметались блики от ярких боков их машин и спиц, они слились с огнями фонарей и опутали меня словно паутиной. А фары у них, видать, инфракрасные были, потому что совсем не светились. И тут я заметил, что у них на баках одинаковые надписи – слово «камайну» слоговой азбукой. И значок рядом, будто собаку со львом смешали. Грива львиная, а хвост как у айбо, или у живой собаки. Я азбуку эту, кану по-нихонски, хорошо знаю, потому что народ у нас на острове только ей пользуется. А старые нихонские иероглифы почти никто не понимает. Только чиновники, которым всякие указания из Токё приходят.

Вот, значит, у байкеров этих даже название есть – «камайну», то есть «собако-львы». Недаром же Тони это слово сказал.

Вот сел я в седло и подумал: «Ну как я так мог, замечтался! Куда глядел? Ладно мой старый байк битый-перебитый, на нём царапин и вмятин не сосчитать, а человеку крыло погнул». Про деньги я даже не думал, ну какие там могут быть проблемы с жестянкой? Возьми да разогни, молотком подстучи для красоты, если перед девчонками неудобно или просто порядок любишь. Я сам так сто раз делал, и отец. Ничего, в порту мусор помету пару выходных, вот и накоплю – я на заборе под окном объяву видал.

Почему Тони меня сюнэном назвал? Неужели так заметно, что я ещё с девушками не встречался по-настоящему? Или по мне сразу видно, что я только в прошлом году школу закончил?

Но больше мне девчонки мерещились, как они в блестящей своей коже на байках сидели, особенно которая поменьше. Конфетка у меня во рту перекатывалась, словно робокок в загоне, стукалась об зубы, и мне было хорошо. Даже брюхо болеть перестало. Да и чему там болеть-то! Ночь вдруг стала тёплой, как летом, а фонари вдоль пустой дороги превратились в стебельки одуванчиков, и качались приветливо, приглашали меня посидеть под их головками. Дорога покатилась вниз, и я мимолётом удивился, ведь она всегда была ровной, без всяких ям и пригорков. Не считая колдобин от грузовиков, конечно. Наверху заскрипел кибертран, но так здорово, словно в нём ехала музыкальная банда и лабала на гитарах. Это ребята на инструментах! Смачно они скреже-

щут, как настоящие колёса!

Здорово, что я повстречал таких весёлых ребят, новые знакомства завёл. Правда, надо бы не забыть о словах Давида – нельзя близкие связи иметь, может повредить моему обучению. Ладно, буду хранить гордое молчание, если что-то про меня спросят.

Когда я проехал собакомойку и меня обгавкали из динамиков, тут я и очухался. Пришлось назад поворачивать, метров пятьсот лишних отмахал. Зато проветрился! У нас в районе собакомойка дешёвая, настоящих псов там не обслуживают, только айбо всех пород. От органических не отличишь, даже под шерстью будто натуральная кожа. Только у них разных блох нет, вот их шампунем и не моют, только особым стиральным порошком, а потом собачьим спреем опрыскивают. Этот густой запах меня и шибанул в нос, мозги мне прочистил. Я из-за него айбо не очень-то люблю, настоящие собаки у нас в зоопарке и то так не воняют.

А вообще-то у меня был свой айбо, мне отец на десять лет подарил, чтобы я вместе с ним развивался. Но плохо его учил – только на скейтборде и катался мой электрический пёс. Даже лаять и то не умел как следует. А потом у него какой-то дорогой чип загнулся, и заменить его выходило дороже, чем нового пса купить. Так и валялся айбо на чердаке, там мы его бросили, когда дом продали.

Вечером возле маншёна надо осторожно ездить, потому что мусорных пакетов скапливается куча. И просто так на-

валено – из окон его кидают, что ли? Но в нашем районе ещё нормально, под утро огромная мусоровозка от куяксё его собирает.

И тут прямо на пандусе, когда я притормозил, у меня мотор заглох. Скатился я в гараж, а дальше как? Поглядел на байк со всех боков, пощупал каждый проводок и шланг и нашёл подозрительное место. Там тросик один от рычажка отвалился, будто я его при торможении дёргал и оторвал. Видать, он уже давно перетёрся, а теперь и вовсе отпал! Я наскоро прикрутил его, но видать как-то криво, и тормоз не заработал. Ладно, делать тут было нечего, без спеца мне с этой бедой не сладить.

Я загнал байк в общий гараж под домом и пешком поднялся к себе на последний этаж. Лифт у нас давно оборвался, да и кому он нужен? Маншён-то трёхэтажный, из пенобетонных панелей. Вообще-то он когда-то был складом, а потом куяксё его под квартиры отдала. Лифтом у нас служила грузовая платформа на лебёдке, её специально при переделке дома оставили. Только она всё равно сломалась, когда кто-то спьяну полез в механизм, чтобы она быстрее ездила. А потом дети совсем оторвали эту платформу, когда качались на ней.

Если убрать все лёгкие перегородки и полы, расстеленные на стальных балках, то наш дом сразу превратится в один общий барак с очень высоким потолком. А так я слышу своих соседей, но не вижу их – только если на трапах столкнёмся. Но я лажу к себе на верхотуру по самой крайней лесенке, она

ещё называется пожарной, но приделана почему-то на внутренней стене маншёна.

Вечер был ещё не поздний, и отовсюду гремела музыка и прочие звуки – голиков, стиральных автоматов, обычные разговоры и всё такое. Меня тут боятся. Один раз даже в полицию сдали, потому что одна нервная девчонка разревелась. Я по лесенке карабкался, и ей сверху мою шерсть видно стало. Её робот подумал, что я педофил, когда она заорала. Но в полиции меня долго держать не стали, в паспорте же всё про моё уродство написано.

– Пух!

В бедре у меня кольнуло разрядом тока, и сразу же я увидел перед собой, на уровне глаз, хитрую физиономию Ёсико. Она высунулась из-за угла, держа в ладошке детский тазер на один заряд дротиком. Сам дротик уже втянулся обратно и готов был выскочить вновь, чтобы выпустить в иголку тысячу вольт – игрушка! Куда ей до полицейских моделей.

– Толкни марона, Егор! Опять аккумулятор садится, кисама.

– Ты зачем меня током бьешь, Ёсико-чан? – Я скорчил страшную рожу и понизил голос. – И не ругайся так, ты же девочка.

– Да ладно! Сволочь он и есть. Чего пугаешь-то, а? Не боюсь я тебя.

Это она в прошлом году закричала, когда в первый раз увидела меня в коридоре, и её полоумный марон вызвал по-

лицию. Ёсико только летом хойкуэн закончила, это садик для бедных по-нихонски. Там с утра до самого вечера дети парятся. Теперь она в нашей районной школе учится, и хорошие отметки носит – она мне тетрадки показывала. А сейчас у неё месячные каникулы, до декабря, вот она и бесится от скуки.

– Чем это пахнет? – Ёсико повела носом, и глаза её лукаво сощурились. – «Кокамелу» сосал? Дай!

– Уже кончилась, нэтан.

Я вытянул язык, на котором остался почти безобидный глюкозный леденец, начинка без убойной оболочки. Ёсико со скоростью робота выбросила руку, сдёрнула мокрую сладость с моего языка и тотчас затолкала себе в рот. С таким искусственным носом, как у неё, не пропадёшь! Ёсико без фито никуда – он не только разные бактерии и аллергены вынюхивает, но и задерживает их в фильтрах. А то она вечно красными пятнами и соплями бы исходила.

– На, я добрая. – Она вытащила из кармашка короткий леденец Кинтаро с налипшими на нём крошками. – С моим лицом, гляди. Папаша целую палку притащил! Надоела уже.

На отколотом торце липкой конфеты я разглядел детскую мордашку, и правда похожую на Ёсикину.

– Доумо аригато, Ёсико-чан, – поблагодарил я.

– Да ладно, это тебе аригато. Ну, толкай!

За спиной у неё вяло жужжал марон – домашний робот в половину её ростом, цилиндр на трёх битых колёсиках. Та-

кие электронные няньки умеют вызывать полицию и родителей ребёнка, вопить сиреной, болтать глупости и петь колыбельные. Но марон Ёсико давно потерял свои умения. Теперь он мог только перевозить груз на широкой макушке. Глаза-камеры марона были с корнем выдраны из его «черепа», а экран встроенного голика просто выдернут вместе с платой и проводами.

Ёсико уже взобралась на робота и запустила пальцы в дырку от экрана, чтобы не упасть. А я стал толкать её по коридору, всё быстрее и быстрее, и отпустил. Ёсико с хохотом умчалась, и я смог попасть в квартиру.

У меня только две комнаты, но мне больше и не надо. Одна стена – внешняя, и за ней стена склада через узкую улицу и днём гул грузовиков. А ещё крыша дрожит, когда кибертран проезжает, зато в ней дыр нет. В общем, я считаю, что с жильём мне повезло, и все благодаря моим генам. Иначе в куяксё меня бы обломали и отправили к самой Полосе, а там вовсе дикие районы.

Сидор встретил меня хриплым треском вместо слова «привет». Чтобы у него появился нормальный голос, надо включить голик, тогда он общается через его акустику. Сидор – мой домашний робот, мне его подарили на восьмой день рождения, когда мы с родителями ещё жили в своём доме. Тогда это была модная модель. До сих пор на боку сидора видно бледную надпись «60Х». У него три телекамеры, и два микрофона, только один уже лет пять не работает. Можно

сказать, сидор учился жизни вместе со мной и знает столько же, сколько я. Мы с ним умеем отлично разговаривать, особенно когда смотрим образовательный канал или анимэ. Сидор помнит всё и умеет разъяснить непонятные слова лучше, чем толмач. Когда-то он умел даже петь, будто в опере, но потом «подрос» и разлюбил это дело, как и я. А сколько он подал мне дельных советов, как одеться или что подарить маме на именины? Не сосчитать!

– Привет-привет! – сказал я и потрепал сидора по круглой макушке, как раз на уровне моего живота. Позвоночник у него согнулся, а обе тонких руки с шестью пальцами поднялись кверху, будто он вздумал помолиться.

У меня очень простая квартира, и мне это нравится. Планировка самая обычная, нихонская, но я уже привык и не стукаюсь об стены, как поначалу. Только потолок очень низкий, всего на тридцать сантиметров выше моей макушки, и сильно неровный. Ну да зачем мне подпрыгивать? Сразу за дверью, как войдёшь – бетонный пятачок, там нужно разуться и обувь поставить мысами к выходу. И тапочки надеть, но я обычно босиком хожу. Кухня у меня большая, целых пять циновок шириной, потому что с гостиной совмещённая. У нас в маншёне все такие, для экономии места. Из приборов у меня только самые нужные – рисоварка, микроволновка, холодильник и потёр, который воду греет. Окна тут сделали маленькие, из толстого пластика. Не во всю стену, как в обычных домах, и это правильно. Всё равно за ними только

склады видно и кусочек неба, если близко подойти.

Мебель я купил на Полосе, там всегда продаются хорошие вещи, совсем задёшево. Всё из пенорезины – и кровать, и стол, и стулья. Кажется, что вот-вот расползётся под моим весом, но стоит!

Ещё чем такая мебель хороша – в ней дани не живут. Зато летом они у меня в футоне завелись, от соседей наползли и стали кусаться. Целое воскресенье их разной химией травил.

Первым делом я скинул одёжку, в которой с робококами возился, даже комбинезон от масляной вони не помогает. Достал из кармашка фантик от «Кокамелы», разгладил и прочитал: «Сделано в Перу из 100%-го экстракта листьев коки». Простая коричневая бумажка пахла не только самими листьями, но и чем-то ещё, я принюхался и вспомнил – кожа! От байкеров телячьей кожей пахло. Конфета ведь у неё в кармане лежала, у Аоки. Я опять представил её сердитое лицо с широкими скулами – глазки распахнулись, а колечко в губе так выпятилось, что хочется потянуть за него и потрогать язычок, который там прячется. И нос у неё не приплюснутый, а почти как у меня, только поменьше. Наверное, у неё тоже есть немножко старых генов.

Нет, лучше я поучусь! И включил голик на образовательный канал, а там реклама. Какой-то отоко в костюме показывает себе на руку и говорит:

– У меня в палец встроена цифровая виртуальная ручке випен! Она сама, при помощи лазерной оптической техноло-

гии измерений, отследит перемещения вашего ногтя и расскажет о них контроллеру! Супермощный чип уникальной конструкции распознает любые каракули как символы и передаст их прямиком в смарт! Вот, показываю…

Знаем мы эти вживленные в руки устройства. Сперва они работают, а потом вдруг накрываются после крепкого рукопожатия. Пальцы так и летят под «лазерными оптическими» ножами, знай только иены на «фактор роста» выкидывай. Да ещё назвали эту ручку випеном, будто ты её вживил – и уже вип-персона этакая. Я кивнул сидору, и он переключил голик на другой канал, где обычно проповедники выступают от разных сект. Мне мать посоветовала хорошую секту выбрать, но что-то никак не попадается.

– … Новые колдуны под личиной докторов тянут из вас денежки, обещая избавить от абстинентного синдрома? Не верьте! – увлёченно вещал голый, в одной лишь цветной татуировке человек. Он сидел на столе в студии, с прижатыми к пупку ладонями, и вращался передо мной. – Это жрецы культа забвения, они сами же изобретают и продают всё новые препараты, чтобы поймать вас в свою сеть! Нередко врачи также зависят от химии. Они дают вам советы, которые вы не сможете воплотить в реальность. А в это время другие люди корежат наши гены и суют нам в мозги компьютеры, вырезают яичники и вставляют электрические шунты в самое сердце! Они говорят – вечное движение! Мы заменим вам почки, сердце, лёгкие, мозги, гениталии – только сдай-

те нам стволовые клетки. Религия натужного бессмертия – что может быть чудовищнее? Геронтофилия в самом поганом виде!

Какая-то невнятная у этого проповедника была программа. Наверно, он задумал сперва обличить всех конкурентов, а потом призвать к себе в секту. Я вернулся обратно на образовательный канал, но там все ещё продолжалась реклама. Тогда я снова понюхал фантик от конфеты, чем-то он меня притягивал и даже волновал. И я догадался, что Аоки эротическими духами пользуется, вот эта бумажка меня и влечет. Почему-то захотелось её на стену пришпилить, но я удержался, оставил на столе, только разгладил ногтем.

Папаша, когда мы ещё в своём доме жили, часто такие сладости покупал, но настоящие перуанские никогда. «Чем дороже дурь, тем она хуже», – такая у него была присказка. Да и сейчас осталась. После его конфет у меня всегда отходняк бывал, а вот после этой я себя отлично чувствую. Молодой слишком был, что ли? Но поужинать всё равно не мешает. Сидор уже знает, что мне надо, без всякой команды погрел синтетического мяса и налил витаминного раствора.

Тут по голику стали про какой-то умный шар под названием «апри» говорить – и голоса он отлично узнаёт, и говорит культурно. А ездит на трёх колёсах. Залил его метанолом, и месяц горя на знаешь. Так я и не врубился, реклама это или нет.

– Не трусь, сидор, ты мой лучший друг, – сказал я. А то

он что-то занервничал, ручонками затряс.

В общем, про генетику ничего не передавали, а другие темы мне без интереса. Ещё, правда, я анимэ люблю, в них действие очень медленное и всё понятно. И нарисовано здорово, герои так плавно двигаются, звуки чёткие. Видишь зеленоволосого человека – сразу ясно, что он рэйдзи. По волосам, короче, легко людей различать, злые они или добрые. Жалко, что в жизни так не бывает.

2. Воскресенье

Будильник у меня запиликал в восемь часов, как обычно. Вообще-то он к сети через сидора подключён, и продавец на барахолке мне говорил, что он сам должен узнавать, как там дорога – загружена или нет, и погода какая. Скажем, если гололед и пробки, он рано будит, и наоборот. Я сразу, конечно, завёл в будильник свой и зоопарковский адреса. Да, он ещё начальство умеет извещать, если я вдруг опаздываю, потому что через сеть за чипом на моём байке следит. Но это красивая теория. На самом деле мне пришлось эти навороты отключить, потому что часы стали каждый день мне на работу названивать, что я опаздываю, просили извинить меня. А я всегда вовремя приезжаю, потому что для байка никаких пробок нет. Какой-то там цифровой прокол, короче. Вот я и встаю по обычному звонку, в одно и то же время.

На байке здорово ездить, не то что на машине. Ни о каких пробках даже думать не надо – сел и поехал, через любую аварию легко проедешь. Один у байка крошечный минус. Камеры на перекрестках мотоцикл плохо видят. Поэтому ночью, когда один на дороге, надо прямо перед ней вставать. И тогда зелёный загорится. Но по ночам я не раскатываю, так что проблемы и нет.

Голик мне, как всегда по утрам, нужную рекламу стал крутить. Мол, их новейшее устройство будит запахом – хочешь

кофе, а хочешь лесных ягод. Не знаю, как насчёт ягод, а кофейный дух из приставки меня разочаровал. В нашей кафешке совсем не такой. А может, у меня приставка к голику слишком примитивная, не умеет толком запахи синтезировать. Или я её сто лет не заправлял?

И тут мне кто-то позвонил. Я удивился и переключил сигнал на телефонную линию. И удивился ещё больше, потому что это оказалась Аоки. Я как раз гладильщика из шкафа достал, он у меня на верхней полке пылился – дай, думаю, рубаху поглажу. А то нынче к Урсуле в лабораторию идти, а рубаха мятая. Я же её вчера сидору постирать наказал, а гладить он без особой насадки не умеет.

– Эй, ты дома, Егор? – Её лицо из голика выплыло, будто у дикторши. – Яххо!

Я камеру включил, и тогда она меня в одних трусах увидала, как я сидору лапу с утюгом привинчиваю. Просто кошмар. Лучше бы я вовремя вспомнил, что похож на горную обезьяну, тогда бы не пришлось на её ошалевшее лицо глядеть. Да ещё все мои глупые нумерованные стикеры с мордами разных учёных и музыкантов на стене прямо перед ней висели. Мне стало из-за них неловко, потому что они очень старые и какие-то блёклые. Одна только у меня есть настоящая картинка. Это сансуйга, которую я на Полосе купил, там всякие живописные развалины чёрным цветом нарисованы. Но издалека её не разглядишь.

– Сутэки! – воскликнула Аоки.

– Привет… – Я не понял, что она конкретно сказала. Или «круто», или «отлично» – два значения у этого слова. Наверное, все же «круто», ведь ничего «отличного» в том, что грудь и ноги у меня слишком волосатые, нет.

– Я тут с Сэйдзи поговорила, можешь с рублями не спешить. – Она всё-таки оторвала от меня взгляд и посмотрела вокруг, увидела и стены со старыми голограммами, и резиновую мебель. У неё-то программа связи дорогая стояла – сразу за головой Аоки словно бы туман клубился. И камера у меня дешёвая, с простым параболическим зеркалом. В общем, она чуть не всю мою комнатушку видела, а что у неё за спиной делается, от меня было скрыто. – Верно я сделала? Ты это, как вообще, Егор?

– Да ничего. Дайдзёбу, Аоки-сан. А Сэйдзи – это кто?

– А, так ты же его как Тони видал. «Тони» – это у него ник такой, как у героя какой-то старой манга. А так его Сэйдзи Микемото зовут. Он ещё любит, чтобы его одзи называли, а сам при этом злится – думает, что мы издеваемся.

– А что такое одзи? – Я пожалел, что не успел нацепить на голову толмача, теперь придётся твердить про себя новое слово. И ещё у меня «Микемото» в мозгах застряло, и вертелось там как трусы в стиралке. Видел я эту фамилию где-то, что ли, или слышал?

– Сынок богатого папаши, проще говоря… Живот не болит?

– А? – Я постучал по синяку и прислушался к внутренно-

стям, но там было спокойно. – Целый, чего с ним будет?

– Это точно… Фантик-то вчера не выкинул, что ли? – Она усмехнулась и показала глазами на бумажку, которую я вчера на столе оставил. А она на светло-сером заметная такая. – «Хорнет»-то ездит?

– До дома доехал. Только тормоза сломались, когда я в гараж ставился. А там блокировка на двигатель, он так не заведется.

– А сам говоришь «дайдзёбу»!… – Она расстроилась. – А ты бы без тормозов погнал, если бы я попросила?

– Да нет… – Я смутился. – Зачем? Это же опасно…

– Странный ты парень, Егор. Другой бы на твоем месте сказал, что тысячу раз катался без тормозов, как нечего делать, и мне бы предложил. Я тебе зачем позвонила, знаешь? Нехорошо как-то вчера вышло, но только ведь ты сам виноват, что чип безопасности не поставил, верно? И в смарте у Тони это записано, потому что байк автоматом все данные на него сбрасывает. А так бы он, конечно, виноват был, за халатность бы с него строго спросили. Если бы ты на него в суд подал, конечно. А так придётся тебе денег достать, на семьсот рублей в мастерской определили.

– Сколько? – не поверил я. – Где же мне их взять? И почему рублей?

– Ты только не переживай!

Аоки как-то сильно встревожилась, словно я вживую перед ней стою и что-то странное уже готов натворить. Я по-

глядел на себя и вдруг понял, что замахнулся механической лапой с утюгом, я её привинтить так и не успел – забыл. Прямо первобытная обезьяна со своим первым орудием труда.

– Он вчера сразу гольки и лог-файл из байка в отцову мастерскую послал, а там в ремонтном автомате такие цены забиты! Дорогая машинка-то. Вот семьсот и набежало. А рублей, потому что у них всё в валюте посчитано. Но я уже договорилась, он тебе время даст, чтобы с этими делами разобраться. Ёси?

Ничего умного мне в голову не шло, только глупости, вот я и промолчал. Аоки озабоченно так на меня поглядела, будто я уже собрался харакири утюгом делать.

– И ты можешь немного отработать, так он сказал. Я его *очень* попросила, одзи нашего. А камайну только рады будут, ты им понравился, особенно Флоре. Говорят, с таким цураем нам никто на Полосе не страшен. Мол, пора уже за новыми дозами ехать, а то стимуляторы кончаются.

– Отработать? Мне уже в зоопарк надо, – опомнился я.

– В клетку, что ли?… Ох, мосивакэ най! – Она испуганно, и при этом с лукавым задором прижала ладони к щекам. – Ты не обиделся?

– Нет.

– Так не прямо сейчас же ты нам помогать станешь, – заспешила Аоки. На мою каменную физиономию она старалась не глядеть. – У каждого камайну днем другие дела есть, собственные, а не только на байке гонять. Я ведь тоже в од-

ной фирме работаю, дома не сижу.

– А я думал, ты учишься.

– Учусь, конечно, только из дому – по Инету. Психология роботов, модная сейчас специальность. У меня папаша университет спонсирует, так что не напрягаюсь особенно. Значит, ты по воскресеньям на работу ходишь! – вдруг всполошилась Аоки. – А я тебя отвлекаю. Ладно, ты во сколько заканчиваешь сегодня?

– Я не на работу… У нас же сегодня посетителей много будет. Зачем им на робококов глядеть, как они в клетках шуруют? А вообще я через день работаю – во вторник, четверг и субботу.

– Значит, ты свободен?

– Ну… Я всё равно туда собирался.

– А можешь не поехать?

Вообще-то я Урсуле обещал, что у неё в лаборатории посижу, она какие-то анализы хочет сделать, чтобы мне лекарство синтезировать. Она сама так сказала. И к родителям я нынче собирался – воскресенье же, они меня ждут. Они каждый день меня ждут, только я не всегда к ним добираюсь, потому что утомительно, если часто с ними общаться.

Аоки мне отказывать почему-то не хотелось, она так внимательно смотрела.

– Меня Урсула ждать будет… Ну ладно, на понедельник можно перенести. Только мне всё равно вечером к предкам ехать.

– Сутэки! Значит, жди меня на том же месте через час. Ёси? Где мы с тобой познакомились. Ладно? Мата нэ! – улыбнулась она и помахала мне ладошкой.

– Мата наа, Аоки-сама…

Я всё-таки догладил рубашку, надену её. А сам про Аоки думал и удивлялся, с чего это она такое участие в этом деле приняла. Спросил сидора, понравилась ему девушка из голика или не очень, и мой верный друг нисколько не задумался – красивая, мол. Только грустная. Не понял я сидора, да и что с робота взять, хоть даже он с тобой вместе вырос? Наверное, блок эмоций у парня барахлит, никакой печали я в Аоки не заметил. И почему я сперва подумал, что она одзёсама? Мамаша мне говорила, что у богатых родителей всегда капризные «принцессы» получаются. Чтобы я с такими не знакомился. Аоки же на одзёсаму не походила, сама позвонила мне и в свою банду позвала.

Урсуле, что ли, позвонить? Нет, лучше не стану, а то она ругаться будет, что я о своём здоровье не думаю.

Побрился я, оделся и на часы поглядел, а времени ещё почти сорок минут. В душ решил сходить. Ванная у меня крошечная, мыться в ней можно только стоя или сидя. Вылез я из неё, прохлаждаюсь…

И тут я как будто увидел свою гостиную глазами Аоки – везде какие-то обёртки, тряпки, пакеты из-под заморозок… На полу пыль. И решил собрать всё в кучу и в контейнеры отнести. На двери у меня инструкция от куяксё висит, что-

бы ничего про отходы не забыть. У нас хоть район и бедный, а за чистотой всё равно следят, оштрафовать вполне могут. «Вылейте жидкость из банок и бутылок…» Вчера ещё все выпито. «Острые предметы могут нанести вред мусоросборщикам, заверните их в бумагу и напишите „Опасно!“… Нет у меня таких. „Пробейте дырки в пустых банках из-под аэрозолей…“ Где-то валялся у меня пустой дезодорант. Держи, сидор, примени умения. „Используйте только пластиковые пакеты…“ Ладно, других-то не бывает. „Аккумуляторы верните в магазин…“ Нет, пусть ещё послужат.

Спустился я с двумя пакетами по лесенке, а там уже детишки – саннэн-хойки резвятся, автобус у них вот-вот подойти должен, чтобы в ёчиэн отвезти. У нас в маншёне таких детей штук десять, которым от четырёх до шести. И все в районном садике с утра до вечера трубят, хотя родители у многих толком не работают, в собесе на учете стоят. Ёчиэн-то дешёвый, потому что государственный. И Ёсико с ними ездила, но теперь она школьница.

Детишки как меня увидели, давай хихикать и кривляться, в обезьян играть. Но я на них не обижаюсь, они же не знают, что такое чёрный паспорт. Шёл к контейнерам и про свой «хорнет» думал – как бы теперь за парковку поменьше платить, если он ездить совсем перестал? Всё-таки пятнадцать тысяч иен в месяц. Может, заявление в куяксё отправить? Но в районной администрации, наверное, над таким письмом просто посмеются. Или в квартиру «хорнет» затащить?

Там рядом с кроватью, в спальне, ещё немного места есть. Может, мне скутер, это мотороллер такой маленький, в прокатной конторе арендовать? От таких трудных сомнений у меня даже голова закружилась.

А на перекрёстке я не ждал нисколько – там уже Аоки была на байке и с ней грузовичок. Они на обочине пристроились, подальше от развилки. Днем по нашей дороге движение немалое, то и дело машины с грузами и пустые проезжают.

Из кабины выскочил худой и какой-то нервный парень небольшого роста, с выбритым лбом. В остальном у него была очень буйная причёска – маленькую голову, наверное, хотел «увеличить». Он уставился на меня чуть ли не с восторгом, распахнув узкие нихонские глазки.

– Ну, Егор, ты просто монстр! Ёкосо! – И схватил меня за руку. – Можешь звать меня Зидом. Меня все так зовут, потому что я мотоциклы старые собираю и чиню. Ну, где твой долбаный «хорнет»? Поехали! Ещё не выбросил на помойку? – Он истерично хохотнул.

– Я тоже рад с вами встретиться.

– Это наш камайну, – усмехнулась Аоки. Она была одета так же точно, как и вчера, на голове у неё был голубой шлем с нихонскими иероглифами. – И правда Зид. Помнишь его? Только ему больше «Зуд» подходит, потому как болтает без продыху и суетится. Он обещал твой байк починить, за просто так. Интересно ему, видите ли.

– Спасибо! – обрадовался я. – Мне в кабину садиться?

– А то куда ещё?

Мы забрались в грузовичок и поехали, только медленно, потому что приходилось пропускать большие машины на этаноле. Они клаусами управляются, это трехрукие такие роботы-водители. Автоматические грузовики многосуставные и широкие, так что их все прочие водители опасаются – вдруг клаус с программы слетит? Только не байкеры, конечно, когда они на своих аппаратах. Аоки прямо перед нами ехала, оглядывалась постоянно – дескать, чего вы тащитесь? Но Зид не торопился.

– Ты «Харлей Дэвидсон и ковбой Мальборо» видал? – крикнул Зид. У него из колонок орала незнакомая мне дзоку, да ещё слева стальные монстры ревели. – Нет? Погляди обязательно, классика! И я подумал, что не хуже этих парней, и тоже хочу мотоцикл! Я с девяти лет учился ездить, когда своего оядзи задолбал и он мне байк на именины подарил. Я сказал ему: «Зачем мне машина?» А он мне отвечает: «Лучше ты будешь кататься на мотоцикле, чем сидеть где-то в подвале и жрать грибы». Наивный! Сам на грибах рос, до сих пор думает, что у молодёжи другой дури нет! «Закуси мухомором», – говорит мне! На, держи!

Зид снял с полочки под рулём вскрытую белую пачку с ворохом крупных таблеток внутри и протянул мне. Я не знал, сколько можно взять, поэтому достал только одну. Мне мотоцикл тоже от отца достался, только он мне свой отдал, а

не новый купил.

Ещё у Зида на полке лежало несколько потрёпанных бумажных танкобонов. На обложках у них были картинки с машинами и мотоциклами, а я техническую манга не люблю, так что не стал просить поглядеть. Да и старьё такое! Сейчас манга на бумеле с памятью выпускают, на тысячи цветных картинок, не то что старые танкобоны. В тех редко шестьсот чёрно-белых страниц набиралось.

– Апоморфин! Под язык клади! Да не грызи, дай ей самой рассосаться, так кайф дольше держится! – Он заботливо глянул на меня и вновь стал рулить – то в зеркало посмотрит, то машину газом дёрнет. По-моему, он плохо умел управлять. – Я даже зимой на байке езжу, как все камайну! Шипы надел – и полный спидвей! Байк создан для кайфа, для оттяга! А эту гаракуту я у папаши в гараже взял! За баранкой разве что почувствуешь? – Он ударил по рулю кулаками и снова тормознул, чтобы пропустить очередной грузовик. Тот сигналил как сумасшедший. – Ни адреналина тебе, ни ветра! И кто тут эти знаки развесил, что надо клаусам дорогу уступать? Далеко до тебя ехать?

– Уже приехали.

Я показал на свой маншён. От него как раз отъезжал нелепый школьный автобус, набитый саннэн-хойку. Мы втиснулись на место автобуса и заглушили мотор.

– Ты здесь живёшь, в этом бараке? Хонто ни?

– Конечно, правда. Нормальный маншён, у нас и гараж

есть, и водоснабжение.

– Ну, ёкатта нэ…

Я не знал, нравится мне тут жить или нет, зачем я буду такими вопросами задаваться? Разве главное в жизни – место, где ты живёшь? По-моему, отношения с людьми, которые вокруг тебя, намного важнее.

И мы втроём пошли в гараж. Там сейчас велосипедов и мотоциклов почти уже не было, и машины многие разъехались. «Хорнет» я втиснул в самый угол, потому что знал – утром он только мешать другим будет. Тут у нас грязновато было, везде масляные лужи и металлические стружки, гайки и пачки из-под химии. Несколько давлёных шприцев и кондомов под колёсами валялось. Окна тут были узкие, под самым потолком, и под одним гремели железом два отоко лет сорока, в сальных робах. Они чинили какую-то развалину с одним колесом.

Зид поморщился, Аоки же глядела совсем спокойно, даже с любопытством.

– А где ты «хорнет» ремонтировать будешь? – спросил я. От сладкой таблетки мне в мозги потекла такая приятная прохлада, что я даже не заметил, как в гараже душно и влажно. Почему-то захотелось схватить и поднять что-нибудь тяжёлое.

– Ну не здесь же! В мастерскую к себе привезу, там и поглядим, что к чему. Аоки, ты чего за нами-то идёшь?

– Ладно, я здесь подожду…

Мы с Зидом выкатили мой байк за ворота, и там я поднял его на плечо и втолкнул в кузов Зидова грузовика. На бок, конечно, его уложил, чтобы не упал. Всё-таки здорово, что камайну оказались приятными и добрыми людьми, особенно Зид с Аоки. Несмотря даже на мой чёрный паспорт. И я смогу научиться у них, как сделать свою жизнь полноценной – или даже раздобыть денег на ген-терапию.

– Ну, садись, – сказала мне Аоки и показала себе за спину.

– К тебе? – Я вдруг почувствовал такое волнение, что даже в ушах зашумело. Или это кибертран по эстакаде промчался? – Ты меня на работу отвезёшь?

– Пока, ребята! – крикнул Зид и запрыгнул в кабину. – Дзя мата, Егор! Я с тобой свяжусь!

– Пока, Зид.

Он дёрнул грузовичок и выполз на дорогу, и тотчас раздался оглушительный гудок со стороны складской развилки – оттуда выворачивал трёхчленный гигант на огромных протекторах. Зид рванул машину и бесшабашно умчался вперёд, не обратив внимания на предупреждение. Наверное, ему уже надоело по правилам ездить.

– Додзо, Егор, – в нетерпении повторила Аоки. – Ко мне поедем, байк тебе хочу подарить. На время, на время! Пока Зид твой «хорнет» не починит. Да держись за меня покрепче, а то сдует!

Я её запасной шлем надел, необычный такой. У него был мягкий верхний слой, он двигался как живая кожа. Внутри

шлема, наоборот, как будто корка застыла. А между этими слоями что-то переливалось, похожее на гель или ещё какую жидкость.

И мы сорвались. Очень быстро ехали, никогда я на своём «хорнете» с такой скоростью не гонял. Да он бы и не сумел так разогнаться, потому что уже старый, детали в нём изношенные. Иногда мы даже около двухсот шли, на прямых участках без лежачих полицейских, особенно по промышленной зоне и потом, когда уже за город выехали. А двести на байке – это, скажу я, совсем не то же самое, что двести на машине или поезде. Мы втыкались в холодный воздух как в воду. Асфальт под нами стал чем-то нереальным, а здания и опоры эстакад вокруг мелькали словно в игровом автомате. Даже цвета сдвинулись каждый в свою сторону! Когда ЛСД примешь или мескалина, очень похожие ощущения возникают. Так весь Зидов апоморфин из меня и выветрился.

А вообще-то меня Аоки сильно отвлекала – она такая маленькая передо мной сидела, и от неё телячьей кожей и духами пахло. Я боялся её покрепче ухватить, чтобы больно не сделать, только на поворотах приходилось. А ещё мне ветер прямо в физиономию дул, ведь Аокина макушка была у меня на уровне подбородка.

В центральных кварталах, конечно, мы скорость сильно сбросили. На эстакадах развилок много, подъёмов и спусков, всё время кто-то норовит тормознуть не вовремя, прямо перед носом… Но скоро мы съехали обратно на нулевой уро-

вень, потому что пригород начался, и по краям дороги деревья появились, как у нас в зоопарке. Больше всего сакур было, в каждом дворе по несколько штук росло, и даже гинкго и криптомерии попадались. А дома самые разные! Но их почти не видно было, растения и особенно заборы мешали рассмотреть.

А когда впереди уже бухта показалась с частными яхтами, тут мы и притормозили. Ворота перед байком сами разъехались. Но особо полюбоваться Аокиным садом я не успел, байк сразу в гараж скатился, и в нём зажёгся свет. Только на крыше гаража я успел заметить лопасти ветроэлектрической установки – они медленно крутились.

– Ух! – сказал я, когда слез. – Здорово ты ездишь.

– Мотирон! – фыркнула она и стянула шлем. – А знаешь, мне казалось, что у меня за спиной медведь. И он сейчас раздавит меня лапами.

– Мосивакэ най, Аоки-сама, я неловкий.

– Да ладно, не извиняйся, мне даже приятно было. Кстати, можешь «сама» не говорить, меня этот суффикс во время занятий достаёт.

И тут у меня смарт запиликал, и по экранчику побежала строчка с именем и адресом вызова. Это была Урсула! Аоки с любопытством поглядела, как я толмач на телефонную линию переключил и смарт перед собой на вытянутой руке развернул, чтобы его камеру сориентировать. Урсула выглядела сердитой и хмурилась. Позади виден был шкаф в её лабора-

тории в административном корпусе, заставленный непонятными приборами и банками с химикатами.

– Яххо! Ты не дома? – удивилась она. – Что это за лампы?

– В гараже одной знакомой онако, – сказал я. – Мы приехали за новым байком.

– Какой такой девушки?

Урсула и вовсе поджала губы, стала глазами крутить, словно могла увидеть больше, чем и так у неё на смарте было. За край экрана хотела заглянуть, что ли? И тут Аоки у меня из-под руки вылезла, на цыпочки привстала и прямо в камеру моего смарта уставилась.

– Охаё, анэки!

– Мы с вами не родственницы, – опешила Урсула. – Что это вы?…

– Так это вы Урсула-сама? А меня Аоки-тян можете звать.

Мне смешно стало – так она старалась разницу в возрасте подчеркнуть. Ладно, ей самой лет девятнадцать, я думаю, а Урсуле все двадцать пять, но ведь внешне же это не очень заметно. Неужели девчонки умеют так тонко чувствовать друг у друга возраст? Даже через маленький экранчик смарта!

– Аоки-сан, дайте мне с Егором поговорить.

– Говорите-говорите, уважаемая! – А сама даже не сдвинулась, и что у неё на физиономии, я только догадываться мог. Вряд ли что-то хорошее.

– Ты, конечно, можешь проводить время как захочешь, – сказала мне Урсула, старательно избегая коситься на Аоки. –

Только тогда не обещай, если не собираешься о своём здоровье думать. Я специально свои опыты остановила, чтобы с тобой позаниматься!

– Сумимасэн, Урсула-сама! Так получилось. У меня «хорнет» сломался, не могу же я кибертраном на работу ездить. Аоки мне хочет свой ненужный на время дать. Давай я в понедельник приду, прямо с утра.

– Нет уж, мне тоже отдыхать надо, – сердито отрезала она. – Теперь уже только во вторник, не раньше. Да и то я подумаю, стоит ли. Дзя мата, Егор!

И она моментально отключилась, не стала ждать моего прощального слова.

– Рассердилась, – огорчился я.

– Хидой! Она всегда такая?

– Нет, Урсула не злая, она очень умная.

– А что она с тобой делает? – Аоки отодвинулась и села на седло своего байка, пока я вешал смарт обратно на пояс. – И кто это вообще такая, почему ты должен к ней бегать?

– Она мне предложила курс ген-терапии разработать, подешевле. У неё доступ к разной лекарственной химии есть, потому что она в аспирантуре учится. Если что-то толковое получится, я смогу Леф-1 подправить, и другие гены, от которых у меня в мозгах замедление.

– А Леф-1 – это тот ген, от которого ты волосатый, что ли?

– Ну да. Я хотел на Полосе курс лечения купить. Там есть дешёвая подпольная лаборатория, они вирусы с нужными ге-

нами прямо в мозги впрыскивают. А потом в рекламе увидел, что экспрессии генов при этом толком и не происходит. Решил пока не торопиться…

– А ты здорово разбираешься.

Она вдруг раздвинула края моей куртки и приподняла край рубахи, запустила под неё ладошку и приложила её к моему животу. Потом провела ей повыше, цепляясь ноготками за шерсть.

– Сугой! А у меня тоже с генами неполадки, знаешь ли. Вот, гляди.

Аоки скинула верхнюю одежду, оставшись в одной синей рубашке и кожаных брюках. Ослабив ремешок, она легко приподняла одежду, но не очень высоко, до нижнего края груди. Я чуть не покачнулся, потому что мне вдруг показалось, что она сейчас совсем голая станет. Пришлось за ручку её байка схватиться.

– У меня многососковость, видишь? – Я собрал глаза в фокус и увидел четыре бледных розовых кружка с маленькими сосками, они у неё квадратом располагались прямо под нормальной грудью. – Е-кадерин нарушен. Мне наш семейный врач предлагал ген-терапию, только я отказалась – круто же! Можно их увеличить, и тогда у меня будет не две, а целых шесть! Представляешь, сколько кайфа можно за раз поймать? – Она вдруг смутилась и опустила рубашку, разгладила её и заправила под ремешок. Наверное, уже пожалела, что показала мне свой «недостаток». – Но я пока не хо-

чу, потому что оядзи выступать будет. Он и так меня ругает, что я полжизни в седле байка провожу, с парнями где попало гоняю. А это состояние души такое, как полёт, понимаешь? Я с парашютом когда с вышки в заливе прыгала, очень похоже было. И ребята-камайну у нас все классные, у них у каждого свой дом есть, работа почти у всех приличная, машины… Они на уровне! А байк – это хобби. Другие вон в казино ходят, по весёлым кварталам, а мы на крутых аппаратах носимся. По-моему, каждая женщина хоть раз должна почувствовать между ног этого пластикового зверя, как ты думаешь? Отоко уж точно. – Аоки покрутила ручку газа и погудела.

– Наверное… У тебя отец строгий?

– Как с окаасан развёлся, ещё ничего стал, а раньше вообще был зверь. А сейчас на татами живёт, только раз в неделю опытная гейша из сестриной школы к нему приходит. Он мне говорит: «Я до рождения голодал, вот у меня лептин и накопился! Оттого и аппетит повышенный. Оттого я и работал с самого детства, чтобы голод утолить, и достиг всего! Теперь могу и на татами полежать». – Аоки здорово передразнила голос возрастного мужчины. – А в туалет или ванную только на машине ездит.

– Как это?

– Скутер у него, с сиденьем и подставками для ног. Специально заказал такой комнатный автомобиль. В сложенном виде он как пояс, а развернёшь – и можно ехать. Над голо-

вой тент с солнечными панелями, вот он и стоит всегда под лампой. Захотелось оядзи куда сгонять – в сад или на кухню, допустим, он переваливается на скутер и вперёд! Он хацумей, ему не надо на работу в свою фирму ездить, дома всякие изобретения выдумывает… Видал по голику рекламу сердечного протеза? Это он сделал! То есть придумал, как питание к нему прямо от желудка провести, чтобы аккумуляторы не подзаряжать. Ты просто лопаешь, а он работает, как настоящее сердце! Теперь хочет себе поставить, со скидкой от фирмы… А второй этаж, значит, наш с Сатою. Это моя младшая сестра. Ох, что же мы болтаем?

Она спрыгнула с байка и поманила меня за собой, в полутёмный угол гаража. Вообще, у них тут было гораздо чище, чем в нашем маншёне – нигде никаких стружек и масляных луж. Сразу видно, что роботы-уборщики не зря энергию из сети качают. У нас-то их давно разобрали на части. А на свободном участке пола, неподалёку от ворот валялась целая горка выцветших разноцветных фонариков из бамбука и какой-то ткани.

– Я в носилках сидела! – кивнула на них Аоки. – Когда в августе Небутамацури отмечали, от отцовой компании пять девушек набрали, чтобы мы рекламки раскидывали. Вот и решила фонарики прихватить, чтобы вспоминать о празднике и радоваться. Выкинуть уже надо, а то выцвели. А ты в параде участвовал?

– Кажется, я у родителей в тот вечер был.

– Ну и бака, – огорчилась она. – Меня бы увидал… А это моя машина! – Аоки похлопала по розовому боку симпатичной двухместной «эстимы» с откидным верхом. – Не самая новая, потому что движок у неё смешанный, бензин с электромотором на батареях. Но стильная, правда? Под капотом канистра с эфирными маслами, чтобы не волноваться на трассе.

– Как это?

– Они после двигателя тостами с корицей пахнут. Тут вообще оядзи автоматики натолкал по самую крышу. Я один раз хотела на каре в стойку моста впилиться, такая у меня дурь в башке возникла. С парнем одним поссорилась. А «эстима» не дала, управление перехватила. Я всю дорогу до дома ругалась и вообще руль не трогала.

У них тут стояли ещё одна лёгкая «ямаха», почти как Аокина, и другая машина, огромная и неуклюжая как танк. Но я не стал про них спрашивать, Аоки уже привела меня к «моему» байку. Выглядел он необычно, потому что вместо бензобака у наго крепился баллон голубого цвета с вентилем на боку. А сам байк имел чёрный цвет.

– Это старинный вобиль, я на нём ездить училась! – нежно сказала девушка и вскочила в седло, смахнув с него пыль. – Почти безопасный, потому что на сжатом воздухе работает. Мне его отец сам собирал, он тогда ещё ходячий был. Передняя вилка, тормоза и колёса от «явы», масляный насос от «судзуки», задние амортизаторы от военного «урала»…

Знаешь, какой эксклюзив? Двести камэ спокойно выжимает! Шины почти новые, я на нём не отжигала. А сейчас у меня «ямаха» двухприводная, другую папаша отказался мне покупать – дескать, в самый ливень байк юзом не пойдёт… Тоже безопасно, короче. Двигатель Скалли! Модный тип, там внутри квантовая плазма шурует, поршень давит будь здоров. Как заслонку ни поставь, мощность элементарно регулируется, у шасси баланс идеальный… Но я всё равно иногда вожусь с подвеской, когда настроение не очень и мозги дурить неохота. А ревет на десяти тысячах знаешь как? Ух, до самой печенки пронимает! – Она распахнула глаза и покрутила ручку газа у вобиля. – Отметим-ка твой новый байк, Егор. Я тут химицу храню… – Аоки запустила руку с багажный отсек мотоцикла и достала маленькую тёмную бутылку, выдёрнула из неё пробку и принюхалась. – На, хлебни.

– Это секретный напиток?

– Сётю из мухоморов! – рассмеялась она. – На Полосе купила, контрабанда из России. Если раньше не пробовал, больше глотка не пей, а то ошизеешь. Гриб советует мухомор мочой запивать, чтобы соматическое действие притупить. Тогда, говорит, алкалоиды в полную силу бушуют. А я думаю, это уж слишком.

Я отпил горького напитка, едва приправленного сахарином или чем-то ещё сладковатым. Как будто мухомор откусил, только прокисший. Прикрыл глаза, чтобы поскорее почувствовать, что же у меня внутри происходит. Но всё было

тихо, только генератор на крыше как будто стал останавливаться. Я открыл глаза и не сразу понял, что находится вокруг меня – какие-то мелкие и чёрные квадратики и кружки мешали. Аоки показалась мне далекой и маленькой, будто я на неё с неправильного конца бинокля смотрел. Она вытянула ко мне очень длинную руку и сказала низким рокочущим голосом:

– Ямэро!

Все её четыре дополнительных груди внезапно бросились мне в глаза, хоть и прятались под рубашкой. Они вспучились, будто грибы под хвоей, политые дождём. Я закрыл ладонями глаза и потёр их, но ведь образы у меня в мозгах сидели, разве так их прогонишь? Ну и сильная штука! С первого же глотка пронимает, давно я таких крепких настоек не пробовал. Тут я почувствовал, как пальцы Аоки что-то проталкивают мне сквозь стиснутые зубы, и открыл рот. На язык упал кислый шарик, я раскусил его и проглотил капельку свежего ветра – наверное, ментоловый был препарат.

– Ну гляди уже! – Аоки стала прежней, и чёрные фигурки из глаз пропали. Только краски вокруг меня были такими же яркими, и я видел каждую трещинку на стенах гаража. – Ну как, лучше? Надо было тебе только губы смочить. Ты совсем психоделики не принимаешь, что ли? Я читала в пособиях по их применению, что некоторые комбинации могут ускорять процесс мышления. А у тебя ведь оно замедленное, верно?

Она спрятала свой химицу на полке, между бутылок с аце-

тоном, клеем и прочими штуками.

– Лучше я сначала ген-терапией попытаюсь, вдруг получится. А вообще-то конечно, пробую иногда, если на работе угостят или у папаши займу. У меня на них денег нет… А из обычных экстази только, или сигарету с травой, но редко. А ты? На тебя мухомор не действует, или ты не пила? А что ты мне дала?

– Успокойся, обычный эбселен с ментолом, чтобы у тебя мозги не закипели… Как не пила? Мне предок биодатчики вживил, когда я на байк села, очень полезные в теории штуки. Если мне на клетки какой-нибудь яд капает, они его анализируют и тревогу выдают, прямо на смарт. Но меня это быстро достало. Я чиппера Тадаси уговорила программу у смарта подправить, и теперь он не сразу реагирует.

– А когда?

– Нормы же есть на всякую химию в организме. Смертельные дозы и так далее. И байк не заведётся, если у тебя спирта, адренохрома или ещё какой дури в крови больше, чем законом дозволяется. Вот тогда он и пищит, противоядие рекомендует. А так – молчком терпит!

Она соскочила с байка и не удержалась на ногах, споткнулась о шершавый бетонный пол. Я успел её подхватить за талию и поставил прямо. Какая она лёгкая, просто невесомая.

– Доумо, – сказала Аоки, но сама отвернулась, будто её что-то заботило. – Как со скалы сиганула, крутое пойло! Ну, принимай свой новый байк. Вот, гляди. Спереди стоит ма-

лый цилиндр, в него засасывается встречный поток воздуха. Там он сжимается и заодно греется, очень сильно! Лучше этот цилиндр при езде не трогать, обожжёшься. Дальше идёт круглая камера, вот она. В неё же поступает и холодный воздух из этого синего баллона. Давление в круглой камере подскакивает, и воздух через поршень двигает коленчатый вал. Вот и весь принцип! А движок будешь растительным маслом поливать.

Она выпрямилась и опять покачнулась, словно пол под ней двигался.

– У! Ну ты зарос, Егор-кун! – Девушка помахала передо мной руками, будто нас окутал туман и она хотела его развеять поскорее. Глаза у неё стали такие широкие, словно она не нихонка. А в них что-то странное пылало, пронзительное – кажется, она и боялась меня, и… не знаю, уважала, что ли?

– А воздуха в баллоне надолго хватит?

– Камэ на пятьсот. Там индикатор на руле стоит, поглядывай да заправляться не забывай. На аккумуляторе тоже можно ездить, но медленно и совсем недолго…

Аоки собралась и перестала взмахивать руками, отгоняя невидимых москитов. Вместо этого она хихикнула и принялась стягивать с себя рубашку, пуговки даже не подумала расстегнуть, прямо через голову. Грудь у неё была небольшая, но очень аккуратная и правильная, как на подростковых манга. И все шесть розовых кружков правда были одинаковые.

– Попробуй, – приказала она и ткнула пальчиком в один из них, нижний. Я прикоснулся к нему, и она жёстко прижала мою ладонь к себе. – Потяни! А потом языком и зубами. А меня на байк посади, а то я не допрыгну. Нет, стой!

Аоки подбежала к своей машине, распахнула дверцу и включила музыку, очень громко. И сразу вернулась обратно, подпрыгнула и повисла у меня на шее.

– Ну посади же меня!

Она была очень лёгкая, как ребёнок. Я подсадил её на седло, но мне всё равно пришлось нагибаться, чтобы её за маленький сосок зубами тянуть. Я очень осторожно это делал, и пальцами поглаживал, как она попросила. Аоки же в это время с меня куртку сорвала, и следом мою рубаху, чуть магнитная молния не отлетела.

– Ну ты животное! – расхохоталась она. И ногтями стала мне спину царапать, плечи и голову. Больно было, но и приятно тоже. – Тяни, тяни! Растёт, правда? Гляди, уже почти выросла! – Схватила меня за подбородок и подняла голову до верхней груди, которая у неё нормальная. – Ну? Зубами давай! А!…

Аоки как-то вдруг вся обмякла, повалилась мне на плечо, но руки двигаться у неё не перестали. Я и не заметил, как с меня штаны свалились. Она вдруг так тяжело и быстро задышала, что я за неё испугался и почти перестал её зубами теребить. И за себя мне неудобно стало – так она горячо у меня тибу перебирала. В волосах запуталась, но не растерялась!

И вдруг Аоки вскрикнула и вцепилась мне в данкон ногтями, я даже зарычал от боли. Но она моментально обмякла, просто обняла меня за шею и как будто уснула. Я ещё несколько раз провёл по её соскам языком, уже не кусаясь. Нервная дрожь, что стала бить меня, помаленьку затухала. Пламя в паху медленно растекалось по телу, выделяясь запоздалой испариной.

– Ямеку, – глухо сказала Аоки и оттолкнула меня.

Руки на груди сложила, прикрываясь, и головой помотала. Её синие волосы совсем растрепались, и лица вовсе не видно было. Тут одна прядь у неё отодвинулась в сторону, и на меня поглядел нормальный нихонский глаз, не распахнутый мухоморным сётю. В нём уживались смущение и лукавство одновременно.

– О-тин-тин… – Она посмотрела вниз, в спутанную шерсть у меня между ног. – Ты, наверное, думаешь, у нас было эсу? – Аоки всё-таки открылась, чтобы натянуть рубашку. Я тоже вернул на место свою одежду, пришлось собирать её с пола. – Нет, мы твой новый байк обмывали, договорились? Вот, видишь? – Она показала на оплывшую полоску сэйки на голубом газовом баке, прямо у неё между бедёр, и ещё несколько крупных капель на других частях мотоцикла.

– Конечно, – обрадовался я. – Здорово, правда?

– Само собой! Ну, так что мы с тобой делали, Егор?

– Я понимаю, Аоки. Ты думаешь, я полный дахо? Мы обмывали мой новый мотоцикл. Если хочешь, мы можем на-

звать это дело «фудзоку».

– Эротический массаж? Ну да, так будет правильнее… А ты классно придумал! Но Сэйдзи всё равно не понравится, что мы с тобой фудзоку баловались. Лучше вообще забудь, ёси?

– Хорошо, я никому не скажу, это будет наш химицу. И про грибное сётю тоже…

Она смутилась и спрыгнула с седла, чтобы обнять меня и потереться носом об мои ужасные жёлтые волосы на груди. А потом отключила музыку в салоне автомобиля, и стало вдруг так тихо, что я услышал гудение электрического генератора на крыше гаража.

– Ну, про него-то можешь камайну сказать, если спросят. Мы же все вместе на Полосе закупаемся. Ты не думай, что я сасеко, просто так получилось… Мы с Тони поругались из-за тебя, и сётю этот слишком крепкий, да ещё твой Леф-1 на меня так странно подействовал. И утром я варденафилом сгоряча закинулась. Ты же не станешь считать меня своей онна?

– Конечно, Аоки-сама. Ты живёшь в своём доме, рядом с бухтой, а я в маншёне возле грузового порта. По-моему, это сон. Ну, что ты меня к себе привезла и байк предлагаешь.

– Слушай, а у тебя вообще-то онна есть?

– Нет, ты первая.

– Так ты дётэй? – поразилась Аоки. – В смысле, был им до… Симатта! И остался им, ведь у нас?… Ти! У тебя, на-

верное, мусэй каждую ночь бывал? У меня часто бывает, когда долго без парня живу… Ксо, ты не слушай меня.

Она отчего-то очень взволновалась, словно это у неё случилось всё в первый раз, а не у меня. То есть по желанию партнёра, а не само собой. Аоки вдруг вплотную подошла ко мне и уставилась снизу вверх с таким серьёзным и задумчивым видом, будто задачу в голове решала. И поцеловала меня в щёку!

– Забудь, понял? Тебе своя онна нужна, а не я. А может, тебе отоко больше нравятся? Некоторые любят таких волосатых, как ты.

– Нет, парни меня не привлекают, – твёрдо ответил я. Мне манга с гомосексуалистами никогда не нравилась, я её ни разу не покупал. Особенно меня тэнси-ай раздражали – сюжеты с ангелами и демонами по-нихонски. И голик я всегда на другой канал переключал, если анимэ про любовь между мужчинами показывали. – Я всё ещё дётэй, по-твоему? – через силу проговорил я. Мне нужно было твёрдо знать.

– Ну, если честно, девственником ты так и остался… Хотя ты ведь не сам данкон тискал… Я же тебе помогала, верно? Маттаку! – Аоки на минутку прижалась ко мне, стараясь пригладить мои густые волосы щекой. – Надо же такому было случиться. Не знаю я. Но всё равно это надо отметить! Я видела по голику, что такие племена есть, которые грибами дётэя кормят. Ну, когда он впервые с женщиной побудет. Значит, он как бы заново родился.

Мы смочили губы сётю. Глотать не стали, чтобы опять не улететь.

Это было здорово – чувствовать тонкую Аокину талию и вообще её всю, до самых коленок, но она совсем недолго так постояла, вернулась к своему старому байку и приняла сердитый вид.

– Ну хватит уже, а то у меня сейчас сопли потекут от умиления. Давай-ка мы с тобой этого зверя испытаем, а то давно он у меня в загоне стоит. – Схватив с полки ветошь, она провела ей по мотоциклу, как бы смахивая с труб и бака пыль, заодно и сэйки стёрла, как не было. – Если едешь на первой или второй передаче, нельзя резко открывать полный газ! Или заднее колесо провернётся, или закозлишь. Запомнил?

– Запомнил. – Я повторил её наставление для толмача, чтобы потом освежить новое знание.

– На тормоз резко не дави – зад подбросит, улетишь через руль. Газ тоже не сбрасывай сразу, а то сейчас погода мокрая, юзом пойдёшь. Но в сухую погоду можно. Шины многокамерные, проверенные, при опасном перегреве светлеют, тебе сигнал подают. А потом сами как-то выравнивают температуру, чтобы перепадов давления между камерами не было… Умная штука, короче. А вот одежда у тебя неправильная, в такой на приличной скорости не поездишь, и в дождь неудобно. Отсыреешь же сразу!

– А я привык.

– Ну конечно, у тебя же шкура что надо! – хихикнула она

и опять не утерпела, обняла меня под выпущенной рубахой и царапнула спину ноготками. Но Аоки быстро заставила себя отодвинуться, и на лице у неё я увидел досаду. Наверное, она на себя сердилась, что не может удержаться. – Для солнца тоже нужна особая одёжка. Ладно, я тебе потом помогу купить все, что надо, хорошо? А сейчас я тебе другие штучки подарю.

Аоки открыла ящик старого шкафа, в котором у неё валялся разный металлический хлам, инструменты вроде отверток и прочее. Среди этого добра она откопала пакет. Из него она выудила зеркальные очки и нацепила их мне на нос. Следом появились лёгкие матерчатые перчатки, прошитые тонкими стальными проволочками, слегка потёртые.

– Ну, посмотри на «ёкай».

– Ты назвала свой байк «демоном»? – удивился я.

– Ты же знаешь, девчонки любят такие громкие эпитеты для вещей. Если красивый мальчик погладил руку – то уже айхито, а если чёрное железо между ног, то разве кроме демона что-то годится? Да мальчишки такие же. Надевай перчатки, они с проекторами прямо связаны, а те уже с процессором байка.

Я кое-как натянул их, всё-таки размер у перчаток был невелик. На очки-проектор тут же поступил чёткий сигнал – трёхмерный образ байка, такой подробный, что было даже удивительно. Я никогда ещё байки изнутри не видал. А вот Аоки видна была только схематически, контурами. Но даже

в таком виде мне было приятно на неё смотреть, тем более одежду проектор не показывал.

– Ты на меня-то не пялься! Обойди «ёкая» кругом, посмотри начинку. Это же теперь твой байк, ты должен знать его как самого себя.

Я послушался и обогнул вобиль, рассматривая его внутренности. Система зажигания у него оказалась приличная, бесконтактная. Я когда-то про эти штуки фильм по голику посмотрел, образовательный – когда папаша мне свой байк подарил. И не всё забыл, оказывается! Был там, понятно, блок с микрочипами и датчик Холла, всё как полагается.

– Мне бы раньше такие очки! – вскричал я в восторге. – Сам бы «хорнет» починил, обязательно! И Зида бы утруждать не пришлось.

– Знаешь, как он уговаривал меня с тобой встретиться и байк тебе в обмен предложить?

Я снял проекторы и посмотрел на Аоки нормальными человеческими глазами.

– Значит, ты не сама мне позвонила?

– Как это не сама? – Она удивилась и в недоумении уставилась на меня. И вдруг словно о чем-то догадалась, и сразу же прыснула смехом. – Маттаку! Ты подумал, что Зид меня заставил? Ну точно бака! Ахо какой-то! Если бы я сама не хотела с тобой встретиться, послала бы его к демонам, и только. – Я не удержался и улыбнулся, отчего Аоки внезапно нахмурилась и добавила: – Помнишь ещё, о чем мы догово-

рились? Про онну?

Я кивнул с дурацкой ухмылкой, никак не сумел быстро физиономию закаменить. И опять надел проекторы, чтобы поскорее от Аоки отвернуться. На раме байка я нашёл плоскую этикетку размером семь на десять сантиметров, а в ней обнаружился очень простой магнитный чип.

– А это что за штука, зачем она?

– Регистрация, не понял ещё? Это в новых аппаратах такие бирки внутри рамы помещают, а раньше их снаружи приклеивали. Тут рег-номер байка, инфа о владельце, какие-то ещё полицейские данные типа истории аппарата. Всё закодировано, само собой, так просто не расковыряешь…

– Так он со спутника отслеживается, что ли?

– Да кому за тобой следить надо? – в досаде воскликнула девушка. – Всё отслеживается, и «ёкай» здесь не исключение. А твой «хорнет» разве невидимый?

– Конечно, просто я подумал, что этот байк старый, давно на приколе и снят с учета…

– И как бы ты на нём поехал? Егор, ну ты иногда просто как ребёнок! Ладно, давай доверенность оформим, а то в полицию загремишь за угон.

Она сняла с багажника своей машины смарт и быстро соединилась с полицейским департаментом. Ей пришлось приложить большой палец и показать радужку камере над экранчиком, чтобы подписать доверенность. Через пару секунд документ уже пришёл на мой смарт – тот пискнул, оповестив

меня о почте.

– И не вздумай оторвать «этикетку», моментально разрушишь контакт между чипом и антенной, – продолжила наставления Аоки. – Первый же патруль заметёт тебя как угонщика, доказывай потом в участке, что ты не пингвин. Давай теперь зажигание на твой отпечаток пальца настроим… – Она приложила мой большой палец к датчику под гнездом для ключа, и байк немного подумал, принимая новый отпечаток. – Ну, поехали? Симатта, у тебя же ещё нормальной куртки нет, и шлемака…

Она выдвинула нижний ящик шкафа с инструментами, и там обнаружился широкий прорезиненный плащ, абсолютно чёрный и какой-то гофрированный.

– Вот, держи мой суйкан, я раньше в нём ездила. Тебе, правда, может быть маловат…

Но я всё-таки натянул его, было у него свойство легко растягиваться поперёк складок. По длине он едва прикрывал мне бёдра, до колен сантиметров десять не достал. Но мне суйкан понравился, под него никакой дождь и тем более снег не сумеет проникнуть. И закрывался он надёжно, на обычную магнитную молнию.

– Силиконовый, не порвётся! – заверила Аоки. – Но это что… Почти весь свет он превращает в энергию, и ещё ветер, теперь у тебя всегда будет дармовая энергия. Когда ты его носишь, конечно. – Она вынула из моего смарта кабель зарядника и вставила его в маленький разъём на внутреннем

кармане плаща.

– Сутэки! – восхитился я.

– Это ещё что! Вот, смотри – я сама придумала, недаром у меня папаша хацумей, мне свой ген передал. – Она надавила на какую-то точку пальцем, и из воротника выдвинулась гибкая пластиковая трубка. Очень тонкая, почти как игла. – Можно закачать литр пойла и зюзить его по капле, пока на заправке или ещё где торчать приходится. Особенно зимой полезно, чтобы сакэ греться, а разведёшь в нём жидкий экстази – вообще кайф. Нравится? – Я кивнул. – И вот тебе мой второй шлем, носи пока. Фирменный чип я в нём уже убила. Всё равно я редко пассажиров катаю… Байкерсы и штаны у тебя вроде в порядке, сойдут на первое время. Очки спрячь в карман, а перчатки оставь.

Аоки критически осмотрела меня со всех сторон, почему-то улыбаясь, и наконец кивнула. Затем вдруг схватила с вобиля мою старую куртку и постучала по ней, чтобы я ничего не забыл. И в одном закрытом отделении нащупала «кид»! Это детский смарт с одной кнопкой, который сам сообщает родителям об опасности, если ребёнку что-то грозит. Мне так неловко стало, что я выхватил у неё прибор и зажал в кулаке. Аоки уже хохотала в полный голос, но почему-то не обидно.

– Мне родители давно дали, а я всё выбросить забываю. Он отключен…

– Конечно, конечно! Теперь ты со мной, Егор, и с друзья-

ми-камайну. Мы тебя в обиду не дадим. – И опять фыркнула.

Я настроил смарт на Аокин шлем, чтобы можно было по дороге разговаривать, и мы дружно выехали за ворота гаража. Я на новом байке себя не слишком-то уверенно чувствовал, потому что приходилось немного вперёд наклоняться.

Утреннее синее небо, конечно, уже затянулось густыми тучами, осень всё-таки.

А шлем у неё был замечательный, крепко на черепе сидел. И уличные шумы в него слабо проникали, рёв машин и особенно всяких грузовиков – а раньше они меня крепко доставали. Аоки всё разгонялась, но не торопясь, и одним глазком на меня поглядывала, как я – успеваю ли? Я тоже мог на экранчике внутри шлема видеть, что у меня сзади делается. Мы почему-то к бухте поехали, а не в город, как я сперва подумал. А потом сообразил, что на незнакомом байке лучше сперва по более-менее свободным дорогам погонять, чтобы эстакад и опасных развилок с пробками не было.

На спине у Аоки, когда мы из ворот выехали, реклама разных мотоциклетных магазинов стала появляться, байки разные и так далее. Я подумал, что мне тоже надо суйкан под рекламу продать, если кто-нибудь купит. Только у него форма не очень удачная, большая картинка будет скукоживаться…

Когда скорость у нас за сто пятьдесят перевалила, Аоки сказала:

– Пока тебя не сдуло, щиток выдвини. Там на левой ручке голубенькая кнопка с ветерком, сразу поймёшь.

Я надавил кнопку, щиток и правда выдвинулся. Но пальцем я зацепил ещё и маленький свитч по соседству, потому что в ушах у меня вдруг раздался мощный гул мотоциклетного мотора! Чуть руль от неожиданности не выпустил. Я тут же поспешно перевёл свитч в прежнюю позицию, и опять стало тихо.

– Тут ещё что-то есть, переключишь – и двигатель слышно, – сказал я.

– Запись мотора! – рассмеялась Аоки. Что-то я совсем отстал от байкерских штучек, всё время она надо мной потешалась. – Интерактивная, реагирует на газ, торможение и повороты. Плохо же не чувствовать собственного железного зверя. А вообще-то вобиль несерьёзно фырчит, и я ему в память покруче звуки записала, из библиотеки взяла. Там и другие кнопари есть, можешь радио или эмпешку из коллекции послушать. Только я их давно собирала, старьё там всякое лежит.

Я врубил Аокины эмпешки. В уши мне заревел хард-боп – миллион нот в минуту, жуткая каша из труб, барабанов, тарелок… Чего только не было. Я послушал немного и на звук мотора переключил, только громкость убавил.

Когда мы на горки въезжали, мне казалось, что я сейчас взлечу под облака прямо на «ёкае»! Газ откроешь – и шагнул вперёд, к другому перекрёстку. Я так быстро никогда не ездил, больше ста у меня не бывало, потому что папаша мне запретил разгоняться на «хорнете». Байк-то старый, слома-

ется ещё прямо на ходу. Дома и машины на встречной полосе словно наезжали на меня, становились одной смазанной картинкой, а я протыкал её будто спица! Я не могу своими словами объяснить, как это здорово – когда машины остаются справа как стоячие, а ведь они тоже едут.

Несколько раз я становился огромной стальной птицей и отрывался от асфальта, парил и едва не кричал от восторга!

– Ты спокойнее, Егор, а то совсем улетишь мозгами, – хмыкнула Аоки, когда я что-то радостное хрюкнул. – Контроль за дорогой не теряй.

И я постарался опять собрать голову в холодный мыслящий орган, только у меня плохо получилось.

Мы уже объехали бухту с частными яхтами и пирсами, по самому краю прибрежного холма. Тут уже можно было разглядеть через смог огромные покорёженные остовы небоскрёбов на Полосе – которые ещё не обвалились. Началась санитарная зона. Тут повсюду были натыканы предупреждающие знаки и натянутая колючая проволокой под напряжением. Дорога, само собой, оставалась открытой, но хорошо просматривалась и охранялась со спутников. Чтобы обитатели Полосы не вздумали хлынуть в приличные кварталы и учинить погромы. А парни с Полосы даже не помышляли о такой глупости, я сто раз видел, как они потешаются над этими электро-заборами.

А в санитарной зоне жили нормальные люди и работали дешёвые забегаловки и магазины. Это ещё не Полоса, но уже

и не город. То есть не тот многоэтажный город, что уцелел и занимает большую часть нашего острова.

Скорость пришлось снизить раза в два, а то мы навернулись бы на лежачих полицейских.

– Дотирахэ? Почуял нрав «ёкая»? – спросила Аоки. – Давай пожуём чего-нибудь, тут могучая кухня.

Мы тормознули возле мотеля с вывеской «Падший небоскрёб». Дом был выкрашен в ржавый цвет, на нём были нарисованы трещины, а из стен торчали куски арматуры. Но на безопасной высоте. Рядом с мотелем имелась мастерская с автозаправкой, ресторанчик и ещё пара бараков. В ресторан мы и вошли, бросив байки на открытой стоянке.

– А ты не боишься, что здесь твою «ямаху» могут угнать? Или свинтят что-нибудь…

– Пусть только попробуют, у меня электроника надёжная. К тому же тут кибер-охрана, ты не понял? Владельцы только изображают разруху, на публику работают – мол, цены у них такие же низкие, как на Полосе. А вообще-то у меня такая сигнализация стоит, что у любого вора через пять секунд кишки завернутся. Мне Тадаси крутую защиту установил.

По случаю полудня народа в ресторане почти не было. Из старинного музыкального автомата негромко звучала хогаку – что-то нихонское из прошлого века. Зажав шлемы под мышкой, мы с топотом прошли за столик возле окна. Я такую гордость чувствовал, что у меня красивая онна и настоящая байкерская одежда, и перчатки! Пусть Аоки говорит,

что она не моя девушка. Но не станет же она об этом вслух кричать? И все на меня по другому уже смотрели, или мне так казалось? Да неважно.

Я поглядел сбоку на Аоки – как её синяя причёска у меня на уровне груди плывет, немного впереди. Она тоже незаметно улыбалась. Тут она на меня посмотрела, и я подумал, что она тоже мной гордится – то есть моей фигурой. Волосы-то я с морды сбрил, и на ней не написано: «Замедленное мышление».

– Как обычно, Аоки-сама? – спросила смуглая филиппинка в застиранном «сэйра-фуку» – традиционном костюмчике в полоску. Многие старшие школьницы такие носят. И даже потом, когда уже в университет поступают или на работу, пока муж не запретит. – А что молодому господину?

– Менюшку дай, познакомлю, – сказала Аоки. Я принял пластиковую книжку с картинками разных напитков и блюд. – Потри пальцем белый уголок, и сможешь гохан понюхать.

Мне жареный тунец с бобами понравился. Аоки была не против, и мы большую тарелку заказали. А напитки она сама выбирала. Мне названия ни о чем не сказали, странные они были, и Аоки с хитрой миной на меня покосилась, когда девчонке их назвала.

Я поглядел в окно и увидел рядом с нашими байками, метрах в десяти от ресторана человека в чёрном длиннополом плаще и шляпе. И ещё у него очки были, вроде моих про-

екторов. Он как будто ничего не делал, просто смотрел на плашку бумеля в руке. Что-то в этом человеке показалось мне знакомым, как будто я уже встречал его.

– Аоки-сан, возле твоей «ямахи» какой-то странный отоко торчит.

– Пусть только подойдёт, тикусёмо, – нахмурилась девушка. – Не проблюётся потом.

И вдруг этот тип поглядел прямо на нас, а ведь мы за пластиком окна были, и ничего увидеть он не мог. Я словно вблизи разглядел его хищный нос и острую чёрную бородку. По-моему, он видел нас сквозь все преграды. Но в следующую секунду отоко уже отвернулся и пропал за грузовиком одним резким движением, только пола плаща колыхнулась.

– Кусотарэ, – буркнула Аоки.

– А я где-то уже встречал его… – проговорил я неуверенно. – По-моему.

Девчонка в сэйра-фуку приволокла нам поднос с гоханом, и на нём же стояли два маленьких стаканчика с тёмными напитками. Один с зелёным, наполовину пустой, а другой с коричневым.

– Сначала пьём, – скомандовала Аоки и взяла полный стаканчик. – Кампай!

– Кампай.

Я освоил напиток и поначалу ничего не понял, потому что на вино или сакэ он совсем не походил. Скорее уж на травяную настойку. И тут моё тело изогнулось, но внутри, словно

я глотал что-то неподатливое. «Я змея!» – возникла у меня в пустой голове идея. В ужасе я закрыл глаза, но за веками было светло! Вокруг и внутри меня плавали волны света, искры, звучал глухой рокот.

– А теперь жуй тунца, – услышал я насмешливый голос Аоки.

Я проколол палочкой схематичный кусочек рыбы и положил его в рот. Это было необыкновенное чувство! Я стал настоящим питоном и сейчас насыщался живой, кровоточащей едой. Которую поймал сам, в жестоком броске! Чавкая и обливаясь слюной, я протолкнул в горло ещё несколько кусков, пока они не утряслись в моём извивающемся теле.

Это меня немного отрезвило. Мир постепенно вернулся в привычные рамки придорожного ресторана. Я думал, что все глядели на мои странные действия, но народ смотрел голик, лопал свой гохан и болтал как обычно. Отоко, смахивающий на водителя грузовика, уже облапил филиппинку в тельняшке и показывал на дверь в тойрэ, но девчонка уверенно тыкала пальцем в часы над стойкой. Видимо, она была дзёкю и в свободное время предоставляла клиентам «этти суру», недаром же так вырядилась.

Аоки сидела прямо, и палочки в её руках двигались как у дирижёра, только раз в сто медленнее. Она глядела сквозь меня совершенно чёрными глазами. И вдруг смарт у неё тревожно пискнул, из воротника Аокиной куртки выдвинулся крошечный инжектор и отыскал на шее вену, будто язычок

змеи. Что-то щелкнуло, но она ничего не заметила. Гибкая иголка опять пропала в воротнике, как не было.

Я спокойно съел ещё один кусок тунца, пожевал бобов… Водила всё-таки увлёк дзёкю за дверь с буквой «W», и данкон у меня в штанах зашевелился. Я поскорее на голик переключился, который над серединой зала висел – там некий тип из проповедников про метеорит вещал. Мол, через десять лет в Тихий океан долбанётся камень, и пойдёт цунами высотой сто двадцать метров. И острова наши зальёт по самую макушку. В общем, надо было срочно к нему в секту записываться, чтобы спастись, когда срок придёт.

После проповедника пошла реклама, и я стал вспоминать свои «змеиные» ощущения. Но тут Аоки фыркнула и встряхнула синей гривой.

– Вот симатта, дозу не рассчитала, – сердито сказала она.

– Тебя что-то укололо.

– Опять смарт всполошился, ти! Задолбал уже, не даёт оттянуться.

– А что это было? Я раньше не пил такого.

– Возле Полосы ещё не то варят. Ты аяхуаску отведал, местное фирменное пойло. Его из какой-то импортной лианы гонят. А у меня был йяге, жуть полная!

– Здорово! Я превратился в питона, а ты?

– В голубой шар, прикинь. Я попала в лес, под дождь, и все это шумело и шелестело как сумасшедшее. И колокол бухал как заведенный, но вместо звука у меня перед глаза-

ми свет мелькал. Как у полицейских машин. И он стал разъедать меня голубую на чёрные трещины, в них попал дождь и загорелся! И тут пришёл дракон и проглотил меня, чтобы превратить в вонючее кусо…

– Ни черта не понимаю.

– А я понимаю, симатта? Зато круто. Ладно, дерьмом я не успела стать, а то бы тут завоняло как в кэцуноане! – Крепко она выражалась, нечего сказать. – Я видала в голике, что так можно за границу реального мира Вентури угодить, но у меня пока ни разу не получилось. Всё время на первой мариа всякая гаракута донимает. То есть в промежутке где-то. Или смарт со своей дурацкой химией лезет.

– По-моему, такими путешествиями лучше дома заниматься.

– Да ладно, дома скучно.

Тут ей кто-то позвонил, и Аоки опустила на лоб очки с экраном телефона, подцепленные к её смарту. Наверное, не хотела открывать этому человеку своё местонахождение. И говорила тихо, одними губами, а я в это время за окно глядел – нет ли там снова этого подозрительного отоко. От него у меня беспокойство возникло, и до сих пор не рассеялось. Где же я видел эти нос и чёрную бороду? Может, в кибертране или в зоопарке?

– Эй, спишь?

– Нет, дядьку возле байков вспоминаю… Я его встречал раньше, только не помню где.

– Да забудь ты об этом уроде. Мне Сэйдзи позвонил, на Полосу завтра зовёт. Затариться кое-чем надо, у наших скоро экстази кончится, а там цены низкие. Ты сам где таблы покупаешь?

– Раньше в автомате возле маншёна брал, на станции. Давно уже не покупал, там цены задрали.

– Ну и бака. Кто же в автоматах дурь покупает? Там нарочно почти безвредную химию продают. Тони сказал, чтобы я тебя тоже пригласила. Едешь? Смотри, ты теперь почти камайну, и тебе надо немного поработать, чтобы долги скостить.

– А во сколько? У меня поздно работа заканчивается, часов в семь.

– Ну и нормально, самое лучшее время для Полосы, мы примерно так и собирались поехать. Ты имей ввиду, тебе надо кое-какие аксессуары подновить, чтобы в нашу банду влиться. Пойдём! Тут рядом, не зря же я тебя к самой Полосе привезла.

– У меня с иенами негусто. А я слыхал, байкерский прикид немало стоит…

– На этот счёт не грузись.

Аоки расплатилась за гохан, и мы вышли из ресторана. Я заметил, как народ, мимо которого мы при этом проходили, вынимал из зубов сигареты или отодвигал стаканы, и почти не орал. Наверное, мы с Аоки круто на пару смотрелись, я так думаю. И никто даже не подумал её за подол куртки схва-

тить или дерзким словом зацепить.

Мы даже на байки не стали садиться, потому что мастерская совсем рядом была, за углом. На ней даже вывески не было, но народ это место всё равно знал. Я так решил, поскольку внутри без дела не сидели. Там находилось два молодых парня, и оба что-то тачали и шили из больших обрезков чёрной кожи.

Отовсюду орали «Голубые кометы» – была такая попсовая команда лет сто назад, я её по голику в историческом сериале видал. Но хозяин услышал, что к нему кто-то вломился, и встал. Завидев Аоки, он вспыхнул и подскочил к ней, как к принцессе, явно хотел обнять или что-то такое. Чуть очки по дороге не потерял. А тут и я в эту конуру целиком влез. Он и сдулся, вежливый стал.

– С охраной гуляешь, Аоки-кун?

Этот худой и бледный парень был целиком в кожу завёрнут, и на затылке у него болталась толстая седая коса.

– Знакомься с Егором, Тэгусари. Наш новый камайну. Слепи ему штаны с сапогами, или готовое продай, ёси? Если найдёшь по размеру! – фыркнула она.

– Будем знакомы! – сказал я для толмача.

Швейник переглянулся с Аоки, потом задумчиво осмотрел меня с макушки до пяток – мои размеры прикидывал, я так понимаю. Наверное, ему редко такие крупные типы попадались.

– Посмотрю что-нибудь… Пойдём, выберем.

– Ты свой толмач так явно людям не показывай, неловко же, – тихо толкнула меня Аоки, когда мы за Тэгусари к деревянной двери шагали, мимо каких-то ширм и по горам кожаных обрезков. Второй парень на минутку отвлёкся от швейного автомата и глянул на нас, но тут же вернулся к работе. – Здесь стильные шмотки лепят. Все городские байкеры у Тэгусари закупаются, не только камайну.

– А можно я суйкан себе оставлю?

– Ладно, пусть у тебя будет моя ретро-шмотка…

Мы очутились в подобии магазина, где хранились уже готовые вещи. Наверное, они были скуплены у байкеров по дешёвке или сделаны тут, но не подошли заказчикам. Чего здесь только не было! И обувь, и штаны, и цепи, и заклёпки разные… Перчатки, кепки, нашивки, эмблемки, прищепки, кончосы, кольца, пояса, лопатники для смартов и ещё туча непонятных для меня штук. Были даже шапки-конфедератки, наверняка российского производства. На одной полке я увидал штук десять маскотов – фигурки ками и мифических животных. Я узнал только богиню солнца Аматэрасу и бога грома Атаго.

И всё, совершенно всё из кожи и металла. Разве что подошвы у байкерсов пластиковые были, и то я не уверен.

– Практично, – сказал Тэгусари. Он взял с полки приёмную плашку объёмного сканера и провёл ей по ладони, тестируя прибор. А потом стал ходить вокруг меня и снимать размеры, заставив поднять руки. – Стирать не надо, и недо-

рого. Зимой не холодно, а летом не жарко… Трусы не нужны?

Они с Аоки на меня вопросительно поглядели, но Аоки с искоркой смеха, а мастер – серьёзно.

– В другой раз, ладно?

– Ну смотри… Из кожи всё можно делать, даже носки. А ещё на ней клеймо поставить или тиснение – нечего делать. Кожа должна быть настоящая, а не подделка, и тем более не овчина какая-нибудь. Только российская, понял?

Наконец он снял все мои размеры вплоть до ширины пятки и покачал лысой головой. Но ничего не сказал, просто разворошил кучу штанов и провёл над ней сканером, отыскивая нужный чип. Сканер молчал, словно мёртвый.

– Ничего нет, – с удовлетворением сказала Аоки и обняла меня за пояс. – Так я и думала. Придётся шить на заказ, Тэгусари-сан.

Тут раздался слабый писк, словно птенец кричал в гнезде из последних сил. У нас в зоопарке такие вопли по вечерам нередко можно услыхать.

– Это я погрешность увеличил, – хмуро сообщил хозяин.

На свет появились огромные штаны с великим множеством кончосов и бездонных карманов. В них можно было не только смарт таскать, но и массу всяких мелочей. Разводные ключи, запасные газовые баллоны, складные стульчики и тому подобное. И это не считая меня самого.

– Как я мог про них забыть! – воскликнул Тэгусари. – Ко

мне в прошлом году один будущий сумоист заезжал на крутом «судзуки». Аванс заплатил! Ну и толстый же был, зараза, как его байк только носил? И штаны заказал меньшего размера, чем у него дэмбу, похудеть собирался. Я ещё спросил: «Ты же если цукэбито станешь, кто тебя из школы выпустит?» А он мне: «Не собираюсь даже, симатта! В четыре утра подъём, тренировка на земляном полу под снегом и дождём! Вместо нормальной ёфуку поганая пелёнка, которую на кэцу и за час не намотаешь. А потом ещё дембелям прислуживай, ками им расчёсывай или спину мочалом три. Того и гляди к дёсэаю принудят, бакаяро. Или тойрэ для них палочками чисти. Ты бы пошёл?» – «Я что, похож на рэйдзи?» – говорю…

– Ну? – разом спросили мы с Аоки.

– Не пришёл он больше, ясно? Я потом случайно на бой попал и увидал, как он рядом со служебным ходом толокся, в повязке этой. Хотел потрепаться с ним в перерыве, а меня стаф тормозит… Еле пробился. Ну, поговорили мы с ним, я даже аванс предложил ему забрать, но он не согласился. «На какого Будду мне сейчас иены? – сказал. – Всё, брат, залетел я». Но рожа у него счастливая была, факт. Порассказал мне всяких ужасов! Десять литров чаю каждый день выпивает, чанкональ от пуза лопает. Каторга, короче.

– Да…

– Примерь-ка, Егор! Кигаэро.

Я сбросил свои брюки и напялил эти чудо-штаны, и Аоки

с Тэгусари уставились на меня как на живого пророка – с открытыми ртами. В общем, штаны слегка висели на мне, но я не слишком это чувствовал. Разве что коротковаты оказались, ровно на десять сантиметров короче, чем нужно.

– Кавайи! – вскричала девушка.

– Ну ты скажешь, – покосился на неё хозяин штанов. – Сугой, это точно. Парень, круче тебя только Фудзи. Байкерсы нормальные прикупишь, и город твой.

– Тебе правда нравится? – смутился я, глядя на Аоки.

– Ты станешь провозвестником новой байкерской моды, – заявила она.

Я не понял, пошутила она или нет, но смеха, кажется, мой прикид не вызывал. Иначе почему бы Аоки так сказала? И опять она заплатила за штаны. Заодно мы чапсы взяли, из тонкой кожи – чтобы в дождь рассекать. Да и вообще, полезная штука. Тэгусари нам их совсем задёшево отдал, почти как подарок. Потом новые сапоги присмотрели, их тоже пришлось долго искать. Но всё-таки нашлись подходящие, потому что многие парни хотят иметь байкерсы больше размером, чем нога. И на педали крупными подошвами сподручнее давить.

– Ты только в маркетах шузы не покупай, брат, – сказал Тэгусари. – А то возьмёшь сгоряча дерматиновые. Их специальным составом опрыскивают, чтобы пахли как натурально кожаные, понял?… Сносишь – ко мне приходи, ты теперь у меня в базе клиентов.

– Эй, чего это? – Аоки время не теряла, копалась в залежах шмоток без всякого смущения. Она держала бежевый жакет с красивыми разводами трещин, скорее всего ненастоящих. – Тяжёлый!

– Он проводами прошит. Если цепь замкнуть, можно не бояться людей с голыми руками – током как даст! И байкеров в перчатках тоже, они же металлом нашпигованы по самые гланды. Питание от любого источника, и батарейку можно в особый кармашек воткнуть.

– Гаракута, – припечатала девушка. – Меня Тони с Егором прикроют, тиканам хари начистят. Точно, Егор?

– Если кто-то захочет тебя обидеть, Аоки-сама, я ему руки сломаю и ноги, – искренне ответил я. – А потом оторву голову и выброшу в мусор.

Она уставилась на меня с ошалелым видом, потом засмеялась.

– Видал, Тэгусари? За каким Буддой мне твоя шмотка?

– Ну и положи где взяла, – нисколько не обиделся швейник.

Но Аоки всё равно купила у него жакет, потому что он ей сам по себе понравился, за цвет и фактуру. Может, она и собиралась его батарейкой оснащать, но ничего об этом не сказала.

– Вообще-то у меня разрядник есть, – призналась она. – Но курточка не помешает, к тому же симпатичная.

Тэгусари завернул мои старые джинсы и новый Аокин жа-

кет в отдельные пакеты и торжественно их нам вручил. Бумаги на покупки он почти не намотал, и это было здорово. А то в маркетах такие колоссальные упаковки сооружают, что мусорный пакет моментально переполняется. Один в самопальной одёжке недостаток – ярлыка с чипом на ней нет, стиральный автомат и утюг теряются. Какой режим стирки-глажки выставить, не знают. Но ведь кожу, как сказал швейник, и не надо стирать.

Но Аоки сказала:

– Хорошо, что рафидов душить не придётся, не люблю я это дело.

Такие слова порядком озадачили меня. Я-то думал, что чипы в одежде – полезная штука. Хотел уже спросить, почему она так не считает, но девушка стала прощаться со швейником, и вопрос вылетел у меня из головы. Мы вышли из мастерской. Байки стояли на том же месте, и того странного типа нигде видно не было.

– Ты вот ещё что, – сказала Аоки. – Кевларом надо колени, бёдра и плечи покрыть, у одежды то есть. Чтобы не так больно падать было, если эта беда с тобой случится. Мне однажды здорово помогло… И в рекламную контору загляни, на спину напыление сделай – пусть денежки капают, ладно?

– Я тебе потом отдам, нам скоро иены начислят.

– Мамору отработаешь! – рассмеялась она. – Защитником…

Я сел на байк, но почему-то с трудом: в мышцах появилась

необычная боль, будто я весь день кидал на рыбном рынке ящики с трепангами. Наверное, что-то у меня на физиономии отразилось, потому как Аоки спросила:

– Что, болит всё? Это ещё ничего, а вот к вечеру могут судороги появиться, руки-ноги поднять не сумеешь! Ты слишком напрягался, когда рулил. Расслабься.

– Мне домой пора… Поучиться и к родителям ехать.

– На кибертране езжай, не надо в первый день перегружаться. – Она надела шлем и подвинулась ко мне вплотную, и ей пришлось круто задрать голову, чтобы глядеть мне прямо в глаза. – Ладно уж, Егор, ты не сердись на мою резкость тогда, в гараже. Когда я тебе забыть приказала. Нодзоми такое накатило, мне самой за него неловко стало… Тони просто бешеный, он тебя в банду не примет, если пронюхает. Знаешь, какие у его оядзи злые адвокаты? А чему ты учишься? Неужели в университете на заочном? – недоверчиво спросила она.

– Нет, я образовательный канал голика смотрю. И программы про генетику записываю. А можно я… Ну, скажу матери, что у меня онако появилась? – пробормотал я. – А то она каждый раз спрашивает.

– Само собой, – легко кивнула Аоки. – Ей скажи.

Мы заправили байки топливом и поехали в город. Ей тоже нужно было позаниматься, по учебной программе на психолога роботов.

Ехал я домой и думал: где бы взять много денег? Платят

мне совсем чуть-чуть, потому что я без образования, и насобирать для Сэйдзи никак не получится. Но даже не для него хотелось мне денег раздобыть! Перед Аоки было очень неудобно, так легко она иены со смарта отстёгивала. И суйкан, считай, подарила. Эх, прийти бы к ней с пухлым банковским счётом или даже пачкой наличных рублей, подарить что-нибудь необыкновенное! Сразу бы зауважала. Я вспомнил про напыление на плащ и решил завтра же заехать в рекламную фирму – спина у меня широкая, картинка будет дорогой.

И ещё пару раз мне тип со стоянки припоминался. Какой-то он был подозрительный.

3. Все ещё воскресенье

Никакие знания сегодня в меня не лезли, то и дело гараж Аокин представлял и наше с ней эсу. Такое волнение меня одолевало, что слов нет. Всё-таки такое дело со мной впервые приключилось. Короче, я гордился собой и мечтал о повторении. Несмотря на Аокину просьбу выбросить всё из головы. В общем, до пяти часов я провалялся на татами, силясь услышать дикторов – без толку.

Когда я пешком поднялся на эстакаду кибертрана, поезда не было, и он не просматривался. Значит, можно успеть продуктами закупиться, на нашей станции автомат дешёвый. Ужин-то в пансионате на меня не рассчитан, а мать любит, когда я с ними питаюсь. Значит, надо свою пищу привозить. Обычно я в этом автомате мелкие покупки делаю, чтобы в маркет не тащиться. Мыло, паста, стимуляторы всякие… Раньше апоморфин и экстази покупал, а потом на них цену взвинтили. Ещё удобно, что упаковки в автомате маленькие, а то в маркете столько всякой рекламы в корзинку насуют!

Лектиновой картошки купил, замороженной, упаковка у неё не успела обесцветиться – значит, еда ещё свежая.

Сталь подо мной задрожала – кибертран уже неподалёку. Мне на нём не нравится ездить. Шумно и грязно, потому что робо-чистильщиков из кибертрана уже давно всякие отморозки выбросили. Или на Полосу утащили, скупщикам де-

талей. И окон почти нет целых. Нищих попрошаек столько, что они уже друг у друга иены вымогают. Какие-то банды, мошенники, исламо-фашисты… Фальшивые бомбы то и дело на рельсы подкладывают, а кибертран на всём ходу тормозит, «обезвреживает» их. Да ещё остановки через каждый километр. На байке куда спокойнее, особенно вечером. На дорогах только вип-кары обстрелять могут, а тут и прирезать не побоятся. Не раз видел я тут чёрных парней с сюрикэнами, а один раз даже с кусаригамой – это такой нихонский серп с цепью. Его исламисты очень уважают, в зелёный цвет красят. Надо бы мне тоже что-нибудь такое прикупить, если я в кибертране ездить буду. Например, модзири. Это палица с шипами, я на Полосе в оружейных лавках такие видел. Можно и без шипов, чтобы самому не обколоться. По-моему, для моего роста в самый раз будет – на пояс повесил, и спокоен как Фудзи. А может, утюг на лапе завтра прихватить? Пожалуй, так меня бояться ещё больше станут, потому что сразу видно, что рэйдзи. Хоть я и не псих, конечно, но в кибертране можно им и побыть немного, так безопаснее. И пусть робо-психиатры пристают, я молчать буду, а так они безобидные…

Мне отец рассказывал, что лет пятьдесят назад, когда монорельсовую дорогу вдоль берега только построили, престижно было по ней ездить. На входе в каждую вагонетку стоял сканер и пускал только после проверки личности. Защита от сектантов-террористов хорошая имелась – специ-

альные камеры изучали тепловые фигуры будущих пассажиров. Например, страшно им или агрессия в них тлеет? Если человек почему-то нервничал, особая сирена включалась, и нервного скручивали другие люди и не пускали в вагонетку, отпинывали. В общем, скоро все стали так психовать, что никто почти в кибертране и не ездил. Но потом воры всю охранную автоматику с вагонов срезали… Так и потерял кибертран свой продвинутый статус.

Народу по случаю раннего вечера было не слишком много, и я без всяких стычек доехал. Даже нищие почти не приставали. Состав из двадцати лёгких вагонеток за двадцать минут домчал меня до восточной окраины города. И всё это время я предавался мечтам об Аоки.

Предки у меня в пансионате для престарелых живут, невысокий такой небоскрёб, этажей сто сорок. Как дом продали за долги, так тут и поселились, благо оба уже на пенсии были. Пансионат получше моего маншёна, автоматика кругом, и забор вокруг ажурный. Свой дворик есть со стоянкой, а во дворе сакуры с кедрами растут, пруд с какими-то кувшинками, сэнто. Разве что сада камней нет. Все голики тут работают только по профилю «Здоровье», всякие выключатели-диммеры везде натыканы, кондиционеры, сигнализация, Инет через розетки. Чего только нет. Но мне в нашем старом доме всё равно больше нравилось. Там витал настоящий нихонский дух – деревянные столбы, синтоистский алтарь, отцовы предки на стенах, поддельная керосиновая печ-

ка…

– Хисасибури нэ? – приветствовали меня старушки со скамеек. Общения через голик им мало, часто вживую во дворе встречаются. – Гокигэнъё!

И где только слова такие откапывают? Одна старушка меня про байк спросила – где, мол, «хорнет»? Но я неопределённо так отмахнулся – чинюсь, дескать. Не рассказывать же им про аварию и Аоки.

В крошечном холле меня автоматика проверила, на самом деле у меня тут родственники или я вор. Местный робарт нехотя отступился. В коридорах раскатывали роботы-сиделки с тёмными экранами – на них при осмотре стариков рожи экспертов возникают. Кое-кто из роботов катил бельё в стирку, кто-то – подносы с замороженным гоханом и бытовой мелочёвкой. Я в лифт загрузился и пульнул на девяностый этаж.

«Мария и Масуити Като», – такая под звонком висела табличка. Папаша, как всегда, валялся на татами и смотрел голик, а офукуро возле электрической хибати возилась, ужин готовила.

– Ё! – сказал я.

Они, конечно, обрадовались, но голик так и продолжал орать. Оядзи никогда его не выключает, только если его во двор насильно выкатят. От своего татами он старается не отъезжать, потому что лежанка у него медицинская. Она за его здоровьем всё время следит и лекарства колет. Многие

старики предпочитают под кожу медицинские датчики и ёмкости с лекарствами вживлять, чтобы не зависеть от лежанки. Гуляешь себе, а программа сама дозы вкатывает, сколько надо и вовремя. Но папаша не стал такую операцию делать, иены сэкономил.

Сколько помню, он всегда был лысый, и ничуть не меняется. А вот мать заметно сдала за годы, что они тут живут. Но на самом деле оядзи перенес уже пять инсультов и передвигается на коляске, а у мамаши ничего такого серьёзного, по-моему, не было. А если с коляски ему слазить приходится, тут «штаны-самоходы» помогают – они сами ногами двигают. Только надевать и снимать их трудно, вот оядзи и носит их постоянно. Даже в ванну в них залезает, по-моему. Он их сто лет назад купил, после первого инсульта.

– Опять деньги на экстази просил, – пожаловалась офукуро.

– А у кого ещё просить-то? Пенсию только ты приличную получаешь, меня-то фирма нагрела.

У него от государства доплата совсем маленькая. Когда он в рыбной компании служил, то отвечал за «работу с сокайя». Это вымогатели, которые на фирмах паразитируют, неудачи в их работе вынюхивают, внутренние скандалы и дефекты в товарах. Вот он и платил им негласно, с фирменного счёта. А потом прокатилась кампания разоблачений в прессе, и папашу тихо выставили с работы. Мать-то всю жизнь в коммунальной конторе при куяксё прослужила, вот у неё пенсия и

выходит посолиднее.

Она погрела в микроволновке моей лектиновой картошки, и мы сели с ней за стол, а папаше поднос на татами поставили, прямо на его розовую пульт-подушку. Он, кстати, ещё и пальцами плохо владеет, поэтому пульт для голика такой «детский», с весёлой рожицей и цветками вместо кнопок.

– Опять рекламы насмотрелся, – продолжала ворчать мамаша.

– А что? Прикинь, Егор – цепляю на себя сенсоры, они мои потуги улавливают и на смарт их передают. А на нём уже программа специальная стоит, она их усиливает и по электродам обратно в мышцы посылает.

– Зомби натуральный, прости Будда! А если хакер какой управление твоим смартом перехватит, Масуити? Готовый же маньяк!

– Ну тогда электрическую одежду купим! Прикинь, двигатель в костюмчике, он тебе ноги-руки сам шевелит. Не то что эти штаны-самоходы, давно уж у них перегорели все детали, не шагают. А в костюме вообще без напряга ходить можно. Только он раз в пять дороже стоит.

– Ещё хуже придумал. Лежи, симатта, не суетись. Нормальные у тебя штаны, ты просто сам ленишься ими двигать.

Люблю такие разговоры, потому что они к науке и образованию относятся. Считай, голик смотреть не надо. Папаша самое интересное процеживает и фантазии строит, как он обратно хорошую подвижность обретёт. Наверное, мне по-

тому здесь так легко, что у них в гостиной на стенах особые светильники висят. А выглядят как картины в алюминиевых рамках. Но под оболочкой у них специальные терапевтические лампы горят, которые от депрессии лечат. Вот старики у меня и бодрые, спорят и ругаются каждый день. А вообще-то обои в комнате, как обычно в нихонских домах, золотыми картинками расписаны. Черепаха с журавлём, бамбук и сосна в разных сочетаниях.

– А вот ещё показали, Егор! – выступил оядзи. – Говорят, иммунная система совсем не против регенерации. Можно отращивать ноги и всякие органы заново. И причём не помереть в ту же секунду от микробов, представляешь? Ни протезов тебе, ни очков, ни лысины, а шрамы зарастают как на младенце. Дырки в мозгах лечат! Долой коляски и костыли! Про зубы уж не говорю.

– Точно, дырку в голове тебе давно пора заделать, – проворчала мать. – Ты хоть знаешь, сколько ген-терапия стоит?

Но отец уже забыл, о чём только что толковал, и опять уставился в голик. Там как раз рекламу гнали, про супер-долговечную батарейку для питания внутренних органов. Даже мы с мамашей засмотрелись, как у этой крошечной батарейки внутри медная пластинка работает и какой-то хитрый изотоп. Оядзи заявил, что ему такую непременно нужно, а то робот-сиделка полную гаракуту втыкает, хватает всего на месяц. Но мы его быстро обломали.

– А знаешь, у меня онна появилась, – проговорил я, со-

бравшись с духом.

– Фукано на? – всплеснула руками мать. – Хвала Будде, а то я уже думала, что ты этти… С отоко любовь крутишь… Красивая хоть?

– Очень красивая. Она нихонка, у неё дом на берегу бухты.

Офукуро, конечно, сразу помрачнела, стала греметь посудой в моечной машине, а потом сказала:

– Ох, не будет у тебя с ней ничего ладного, Егор-кун. Лучше бы уж ты с парнями дружил, чем с одзёсамой. До беды она доведёт тебя, попомни моё слово. Не зря говорят: и собака может нарваться на палку… А как эта учёная девушка из твоего зоопарка поживает, получается у неё?

Я думал, она обрадуется моему известию, но вышло почему-то наоборот. Ну, сейчас начнёт мозги мне промывать, что не годится такому парню, как я, дружить с богатой девчонкой, потому что она замуж за меня не пойдёт ни за какие суси. Одна у неё женитьба на уме, только о том и готова толковать. В общем, не стал я им про аварию и новый байк ничего рассказывать, пожалел стариков.

– Приготовил подарок отцу? – тихо спросила меня мать.

– Симатта! Забыл. Но заеду в маркет, точно.

В самом деле, надо бы оядзи подарок прикупить, безделушку какую-нибудь в нихонском духе. Он такие уважает.

Когда я из пансионата вышел, уже темно было. «Всё, куплю себе завтра модзири, – решил. – Только бы иен хватило».

У меня всего тысяч пять на счёте лежало.

Сейчас в кибертране уже полные люмпены и отморозки раскатывали. И нищий ко мне один пристал так, что не отвяжешься. У него через шею был перекинут потёртый ремень, а на нём болтался кассовый аппарат – где только спёр?

– Перечислите сто иен, сильный господин… – канючил он и хватал меня за рукав грязными пальцами. Чуть не въехал ему в челюсть, только гигиена меня остановила. – Или эмпешку скиньте, ну чего вам стоит?

– Я свои уже по десять раза крутил, с помехами теперь звучат! – обозлился я.

– А у меня кодек пиратский, – обрадовался нищий. – У меня пойдут!

– Чего пристал? Вали отсюда, меломан!

– Да ты хоть знаешь, кто я такой? – Нищий кое-как выпрямился и выпятил тощую грудь. – Я на эреки сам играл, чуть не стал идору касю, понял? Мня все знали! И такие, как ты, мочились прямо перед сценой от счастья, если я на них одним только глазом смотрел. Меня Идзуми Юкимура в газете похвалила! И Юдзо Каяма! Да я самого Микки Кёртиса в аэропорту встречал, с Джимми Токитой в одном баре сидел.

– Урусай, старик!

– Мне сам Хирао программу концерта надписал, тан атама! А на эреки я учился играть по записям Тэроути! Он меня тоже знал и хорошо отзывался, пока не помер.

– Не знаю никого, симатта. Ты заткнёшься или нет, ста-

рик? Я сам бедный, видишь же – с тобой в одном вагоне еду.

Он как-то съёжился, глянул на меня потерянно.

– Как не знаешь? Про Кэйдзиро Ямасита слышал?

– Сказал же, никого не знаю.

Нищий отступил на шаг и упёрся в торец вагонетки, в вертикальную перекладину окна. А стёкол никаких в этом окне, конечно, не было, и ветер холодный так и свистел по вагону. Редкие пассажиры в куртки кутались – у кого они были. Космы старика, седые и неряшливые, взлетели от ветра.

– Никого не осталось… – пробормотал он. – Всех забыли.

– Прошу вас, господин, остерегитесь! – воззвал к нищему робо-психиатр. Я и не заметил, как он подкатился к нему и теперь торчал в метре от старика, воздев битые клешни. – Не поддавайтесь слабости, живите!

Эти роботы вечно выискивают конфликты и пристают к пассажирам с советами и заклинаниями. Я по голику видел, что у них процессор на особые частоты в голосе реагирует. Якобы у будущего самоубийцы голос становится «замогильным». Наверное, старик с таким интонациями высказался, вот робо-психиатр к нему и пристал. Нищий, услышав механизм, словно очнулся и зло пнул его по мятому корпусу.

– Не дождётесь, тэмаэ! Синдзимаэ, жестянка!

Я помог старику прогнать тупой механизм, и на кассу ему сто иен сбросил – сам не понял зачем. Тут и моя остановка подошла, а то бы ко мне со всего поезда нищие сбежались. В общем, с тяжёлым сердцем я домой шагал, хоть и случилась у

меня сегодня удивительная радость. Не люблю в кибертране ездить.

4. Понедельник

С утра я в ближайшую рекламную контору съездил, чтобы на плащ напылить краску на жидких кристаллах. Везде такую мажут – на постерах и щитах, стенах и тканях, теперь и у меня на суйкане будет. Гонорар зависит от времени рекламы и класса моего байка. Может, деньги и не самые большие, но мне тематика картинок нравится: она рыбная. Симпатично выглядит, когда по суйкану то косяки плывут, то крабы ползают. Жалко, посмотреть не выходит, потому что она включается, только когда я на байке еду.

И ещё мне шины особым составом намазали, который в протектор въедается и приклеиванию к асфальту мешает. Вообще-то за такие штуки наказывают штрафами. Вот допустим, облава происходит и дорогу с вертолёта «клеем» поливают, все должны тормозить – хочешь, не хочешь. А с таким напылением можно быстро свалить в переулок, если торопишься. Но можно и тормознуть со всеми, если неохота потом штраф платить… Фирме же выгодно, чтобы я всё время ездил.

Да, и в воротник мне шейд впаяли и баллончик со сжатым гелием. Если дождь на меня польёт, шейд распахнётся как зонтик, а на нём опять рыбная реклама. И ещё разные дешёвые индикаторы излучения и датчики осадков, чтобы синоптики точно знали, где сейчас дождь и прочие аномалии.

Аоки мне после четырёх часов позвонила. Я уже стал думать, что никуда меня не возьмут, придётся голик так и смотреть до упора.

– Готов? – спросила она. – Наши почти все едут! Закупим дури по дешёвке, своё кое-что продадим… У тебя есть какой-нибудь хлам? Бери, там у нас постоянные покупатели. Встречаемся возле «Падшего небоскрёба». Если не помнишь дороги, подключись к навигатору в байке – он тебя доведёт.

Я порылся в холодильнике и отыскал ненужную мне упаковку хуманина. Мне её в прошлом году папаша отдал, а ему этот белок доктор прописал. Хуманин программу смерти клеток отключает, и разные болезни предупреждает, если им грамотно колоться – в том числе инсульт. Но оядзи не стал этот белок в программу терапии включать, потому что от него рак может развиться, а его рак больше смерти пугает. Такое уж воспитание. А так бы инсульта-другого избежал бы, по-моему, если бы хуманином кололся.

В общем, я сунул белок в карман суйкана, осмотрел себя в зеркало и остался доволен. Настоящий байкер! И толмач на голове не отличается от обычной гарнитуры смарта, только немного устаревшей. Новую сейчас в гортань и коренной зуб вживляют, чтобы на людях не орать, а молча с абонентом переговариваться.

Погода, конечно, опять была пасмурная, и дождик накрапывал. Шейд, понятно, я блокировал, не хватало ещё на бай-

ке с зонтиком раскатывать. Ветер был не очень сильный. Чтобы не опоздать, я к навигатору подключился. Байк все маршруты помнит, я на карте выбрал нужный и спокойно доехал, по подсказкам из наушников.

На стоянке уже находилось несколько байкеров, они сидели на мотоциклах и громко переговаривались. Завидев меня, все замолчали.

– Хисасибури дэсу! – сказал я.

– Яххо! – отозвался Тони и насмешливо оглядел мой наряд.

И остальные тоже вразнобой сказали «привет». Все они походили на стопроцентных нихонцев. Аоки ничем не показала, что это она снабдила меня всеми этими кожаными штуками, но улыбалась.

Сэйдзи гордо откинул назад голову, и его зелёные глаза были как узкие ледышки:

– Будем знакомы.

Намекал, наверное, на мой толмач. Но я дал себе зарок не говорить этих слов, а непременно затвердить имена моих новых приятелей самостоятельно. Без всяких подсказок и повторений. Если что, подумал я, Аоки потом поможет…

Первым со мной Минору познакомился. Это был нервный парень с большим носом, слегка полноватый и приземистый. В середине щёки у него имелась дырка с резьбой. Наверное, для подключения бурдюка с пивом, я видел такие устройства в рекламе.

– Я спец по оружию, – сообщил он. – Потом займёмся твоим байком, если Тони позволит.

Ещё одного парня звали Ковшом. Он почти без одежды был, только лёгкая куртка и шорты до колен. Никаких пупырышек от холода я у него не заметил – кожа розовая и гладкая, как у ребёнка, и блестящая. Это был крупный парень, но всё же на голову ниже меня и не такой мясистый. Оказалось, что он работает водителем мусоровоза и по десять тонн за день из ресторанов вывозит. А чтобы от него не воняло, спреем РТ-141 кожу обрабатывает, потому что этот спрей вонь перебивает и заодно женщин заводит. А почти голым Ковш ходил потому, что под кожей у него слой гликопротеинового геля, и низкие температуры ему нипочём. И вообще так круче.

Мне сам Сэйдзи про своих ребят рассказывал, нисколько не старался их приукрасить. Совсем на их самомнение плевал. Наверное, он и меня будет так же кому-нибудь представлять – «рэйдзи с чёрным паспортом».

– А эта печальная дева – Хермелинда. – Длинная и худая «дева» была мрачна и холодна. Она грустно поглядела на меня глубоко сидящими глазами, словно на саму смерть. Она была похожа на отоко. – Наша верная тэнси. Пец из девчонок только её признает… У неё мамаша в молодости тестостероном ширялась, потому что мальчика хотела. И теперь у Херми в крови играют мужские гормоны… Оппай на нуле, в варэмэ никого принципиально не пускает. А нам и не надо,

у нас Флора есть.

Эта девчонка, то есть Флора, была настоящая, даже красивее чем Аоки, и она глядела на меня с таким интересом, что я смутился. По-моему, если бы мы очутились где-то в другом месте, а не на открытой стоянке, она могла бы ко мне пристать.

– Я в школе учусь, у меня сейчас каникулы, – сказала она. Наверное, она специально так ярко накрасилась, чтобы себе возраст накинуть.

– Смачная такая когяру, – усмехнулся Тони. – Ты погляди, какой варебл нашпигованный! Даже у Пеца таких наворотов в шмотках нет – вся чипами прошита. Антенны-молнии, наушники в капюшоне. А видел бы ты у неё смарт! Процессор по образцу её личной ДНК скомпонован, прикинь. Вообще весь смарт на биочипах, даже экран из органики, вычислениями всякие ферменты занимаются. А питание – от тепла и пота её жаркого тела…

– Сам ты потный, – хихикнула Флора. Глаза у неё сегодня были почти нормальные – наверное, варденафил закончился.

У камайну была ещё одна девчонка, и она с рёвом примчалась на место встречи. Наверное, больше мы никого не ждали, так что остальных Тони мне очень быстро назвал, и я боялся, что не запомню их имена. Одного солидного парня звали Гриб, и у него были все восемь генов предрасположенности к алкоголизму и наркомании. А сам он сказал, что

у него их не восемь, а все девять, поэтому он глотает, нюхает и колется каждый день. В основном глотает, конечно. Но особенно Гриб уважал психоделические грибы, за это и получил своё прозвище.

– Это и не наркотики вовсе, – сказал он убеждённо. Тоже мне, открыл Сахалин. Все это знают.

Тайша – она позже всех подрулила – была обычная онна, не очень симпатичная, круглолицая и плотная, как боксёрская груша. Из-под шлема у неё торчали красные, фиолетовые и зелёные пряди волос.

– Она вич-инфицирована и специально не лечится, не хочет рисковать бизнесом, – с кривой ухмылкой сообщил Тони. А сама Тайша промолчала. – Не знаю, за каким Буддой она перечной гаракутой обливается, всё равно чужих парней обламывает. И наших тоже. Рэйсубиян потому что, только девчонок любит, «реалистик» нацепит на пояс – и вперёд. Из-за её парфюма всем должно казаться, что она стройнее. И сперматозоиды будто быстрее бегают, а что толку? Эй, Тайша! Провокатор, симатта.

– Тимпункампун, – проворчала она, и все необидно заржали.

– Не знает она! – хихикнула Флора.

И в конце я с Чипаней познакомился. Нормальный парень, только на собирании старых компьютеров и всяких древних чипов сдвинутый. Он сразу спросил, нет ли у меня такого же крутого, как «хорнет», смарта или домашнего ро-

бота. Когда я про «сидора» сказал, он расстроился – у него уже была в коллекции такая модель.

В общем, только Зид и Пец не приехали. «Хакер» Пец вроде бы опасается подхватить на Полосе заразу, мания у него такая. А Зиду срочная работа в гараже подвалила, к тому же он сильную дурь почти не потребляет, а травой пользуется и апоморфином. Ему на Полосе неинтересно. Про Аоки я ничего не услышал, хотя Тони на неё пристально поглядел, будто намекал – хочешь, про тебя что-нибудь такое же выдам? Она так зло на него зыркнула в ответ, что он ни слова не сказал.

– Ханасте! – объявил Сэйдзи. – Слышь, Гриб, прочитай рэйдзи лекцию…

От рёва наших моторов задрожали стёкла в ресторане, отовсюду высунулись встревоженные морды. Через пару секунд мы уже вырулили на дорогу, спугнув какого-то робкого автомобилиста. Гриб со мной в конце колонны пристроился, и в наушниках шлема у меня раздался его голос:

– Ты закидываешься, Егор?

– Ну, экстази уважаю… А психоделики меня пугают, видения всякие. Я плохо в наркоте разбираюсь, Гриб.

– Тривиальный выбор. Понимаешь, экстази не расширяет сознание, это тупая дурь. А тебе не мешало бы с мозгами что-то интересное поделать, а? Короче, тебе надо всякого попробовать, только так выбрать сможешь – от чего тебе самый кайф. Я тебе в общем расскажу, а ты потом сам обдол-

байся, ёси? Короче, кокаин взводит и нервирует. Сейчас его не модно нюхать, даже не начинай. От марихуаны нормально расслабляешься, но кайфа мало. Это все детская гаракута! Настоящие отоко психоделиками грузятся. Псилоцибин, мескалин, псилоцин, триптамины всякие – от них зависимости не возникает, и абстиненции тоже. И они безвредные, только мескалин печёнку разъедает – а ты его и не жри, если она тебе чем-то дорога или денег на искусственную нет. Физического удовольствия, брат, от настоящего психоделика никакого, тут главное переживания, въехал? Так что лопай осторожно, чтобы психоз не заработать. Хотя ты и так рэйдзи… А экстази что же? Так, только называется психоделиком. Про апоморфин, «Кокамело» и прочие штучки уж и не говорю. Только и годятся, что между настоящими дозами закинуться.

– А мне нравится экстази, – не согласился я. – Словно Будда в тебе поселяется. Поглядишь на любого человека – и такая в сердце любовь к нему, как к родному. Это же здорово, когда все друг другу нравятся.

– Детские сопли, – презрительно заявил Гриб.

– Сам ты сопли, – встряла Аоки. Она влезла в наш разговор и не удержалась, высказалась. Наверное, разговаривать со мной и Грибом ей почему-то было интереснее, чем с остальными. – Съешь всего одну таблетку, и как другой человек! Ты попробуй во всех этих дурацких клубах без экстази потусоваться. Вонючие гейбои, похотливые косё бэндзё,

тупые ди-джеи с дерьмовыми эмпешками, блевотина в мусорных корзинах, унко на полу в сортире! А как закинулась – и пляшу полночи, легко и здорово, и всех люблю.

– Вот-вот. А потом депрессия и «ужасный вторник».

Они зашипели друг на друга и замолкли. Я не понял, отчего Аоки так на Гриба накинулась, сама же меня мухоморным сётю угощала. Гриб обиделся и свернул «лекцию», к тому же началась Полоса. А ездить тут бездумно, как по городу, нельзя, потому что дорог нормальных вообще нет. Надо во все глаза глядеть – нет ли где какой опасности, хоть от людей, хоть от домов. Те, что ещё стоят, все перекошенные, того и гляди стена обвалится. Всюду разбитые бетонные плиты валяются, какие-то провода торчат… Но люди везде себе дупла устроили, разной дряни натащили и живут. Где можно было – там магазинчики открыли, хламом же и торгуют. Но и свои хорошие вещи мастерят. Поделки из строительного мусора, стальные ткани, ручное оружие… Грибы в сырых подвалах выращивают. Приезжим тут в одиночку опасно ходить, обязательно гид нужен, иначе обворуют. Бизнес такой на туристах – или провожатому плати, или грабителю.

Нам на уроке истории преподавали, как Полоса возникла. Это лет тридцать назад случилось, когда на лимбах Луны энергетические станции построили. Солнечные батареи свет собирают и на эти станции по проводам электричество передают, а оттуда уже на Землю, лучами как в микроволновке. А на соседнем острове Матсмае антенну соорудили, чтобы

она эту энергию обратно в электричество переводила. Много таких антенн повсюду натыкали. Ну и промахнулись! Что-то там не так рассчитали, и луч микроволновый прямо по нашему острову прогулялся, край города зацепил. Этот луч быстро отрубили, понятно. Долго спорили, включать снова лунные генераторы или нет, но потом мёртвых схоронили, плюнули – и всё заработало, не зря же строили. Храмы сказали, что это была такая жертва богам. Даже секта особая возникла, от неё и пошло население Полосы. И ещё там чёрнопаспортные и всякие изгои обитают, которым в нормальном городе места не нашлось.

Её не убирают, потому что там уже кучу храмов на руинах построили, «весёлые кварталы» возникли и туристы со всего Нихона так и ломятся. Из других стран тоже, конечно. Полоса, значит – главная наша гордость.

Мы проехали мимо надувной христианской церкви и возле секс-шопа тормознули. Тайша первой с байка соскочила. С ней многие пошли, и я тоже. Мне интересно было, чем тут торгуют. Только наш главарь снаружи остался.

Парни сразу стали хентайные додзинси разглядывать, журналы разные с откровенными гольками. А девчонки, кроме Флоры, к продавцу подрулили. Это был седой старик очень внушительного вида, такими бывают сэнсэи в старых фильмах. Ни за что бы не сказал, что он порно-товар толкает.

– Мои госпожи! – расплылся он в улыбке. – Что-то новенькое принесли?

Тайша пакет на прилавок бухнула и высыпала из него десяток прозрачных упаковок. В них разные трусики лежали – кружевные и с дырочками, в цветочек и однотонные.

– Берёшь, старик?

Тот оглянулся, и я увидел, что позади него на полке разложена целая куча таких пакетов.

– Ну… Твои хорошо идут, госпожа. Беру. – Он пересчитал Тайшин товар и сдвинул трусики на полке в сторону, освобождая место для новых. – Нюхать не буду, верю как лучшей поставщице… – улыбнулся он сквозь бороду и отслюнявил несколько крупных купюр. На Полосе принято расплачиваться наличными деньгами, товаром или услугами, а не банковским безналом. Особенно популярны рубли, хотя иены тоже в ходу.

– Эй, бурусэра, я тебе уже подобрала додзинси! – крикнула Флора под дружный смех ребят.

Я посмотрел на обложку старого танкобона, который она выбрала. Танкобоны здесь были совсем дешёвые, потому что нарисованы Будда знает когда и все обтрепались. На обложке было нарисовано лицо золотоволосой девушки и огромный данкон, а из него вылетал целый фонтан сэйки.

– Любишь буккакэ, а? – Флора прыснула от смеха, и байкеры опять загоготали.

Я не очень понял, почему они смеются, ведь Тайша же вроде девчонок предпочитает. Так мне Тони сказал, а я хорошо запомнил. Может, это старая шутка у них между собой?

– Удзаттэ кэцуноана! – отмахнулась Тайша. Послала нас в задницу, в общем. Она нисколько не обиделась и стала рыться в куче «юри». Это хентай про любовь между девушками.

Флора толкнула меня локтем и подмигнула.

А Херми привезла с собой пакет с прошлогодней подшивкой «Дзюнэ». Я один раз купил такой журнальчик, вполне симпатичный с виду. А внутри оказались гомосексуальные рассказы и манга – правда, без всяких извращений. Романтические сопли, словом. Персонажи-ребята постоянно выясняли отношения и порой занимались сексом, иногда даже с мальчиками. В общем, вдоволь насмотрелся я на этих акума и тэнси, и потом ни разу «Дзюнэ» не брал.

Но самый классный товар припасла Аоки, по-моему. Все камайну просто заторчали от него и сразу захотели купить, но она запретила, потому что деньги нам для дури нужны были. Она развернула на прилавке лист мягкого пластика, расчерченный на тридцать календарных квадратиков. На каждом виден был густой засохший мазок, то белый, то розовый, а то и красно-бурый. Сам пластик, как и трусики Тайши, был запаян в прозрачный пакет.

– Ёппу товою матти! – восхитился продавец, когда провёл над «календарём» благородным носом. Наверное, он смог уловить запах через пайку. – Какая великолепная менструальная карта, госпожа!

– Симатта, у меня сроду такая правильная не получалась, – обиженно сказала Тайша.

Байкеры похвалили Аоки за отличный продукт и снова стали изучать старые танкобоны. Только Аоки сразу вышла вон, спрятав пачку рублей в карман куртки. В дверях она столкнулась с группой прыщавых подростков и молодой женщиной с младенцем. Парни шумно ввалились в лавку и расползлись по ней. А женщина кинула на прилавок бюстгальтер.

– Молочный? – уточнил тот.

Они принялись спорить о густоте запаха. Кажется, торговец уже считал, что достаточно затарился на сегодня, и не спешил выкладывать валюту за второсортный товар. Наверное, ценителей пропахших женским молоком лифчиков, к тому же не запаянных в пластик, трудно сыскать.

– Мне Пец новый «яой» заказал, – поделился со мной Гриб. Он тоже выбрал себе один старый танкобон и показал мне эту книжку с двумя парнями на цветной обложке – добрым ангелом и злым демоном. – Нормально, как думаешь, Егор? А тебе нравится, Херми?

Хермелинда наскоро пролистала десяток страниц в середине, пожала плечами и вернула Грибу.

– Лучше эччи ему купи… Вон сколько валяется. А ты какой хентай предпочитаешь, Егор? – спросила она.

– Цветочный! – сказал за меня Чипаня. – Верно, Егор?

– Ну, лимонный тоже иногда покупаю, – смутился я.

– Обдолбись, – восхитился Гриб.

– А давай мы тебе покруче вещь дадим, – загорелась Фло-

ра.

Как я ни спорил, они за тридцать иен купили мне самый рваный г-хентай. Меня даже дрожь пробрала – такой там ужас на обложке был. Но внутрь хотелось заглянуть. Затолкали мне в карман суйкана! Когда мы наружу вышли, Аоки внимательно так на меня поглядела, и на мой карман, который оттопыривался. Усмехнулась и ничего не сказала, и мы дальше поехали, вглубь Полосы.

Здесь, на границе между обычным городом и развалинами – любимое место «бегущих драконов». Это четырёхколёсные тележки с автономным управлением, они картинки Полосы на спутники передают. Камер-то здесь нет, потому что их моментально снимут. Полиция на Полосу не лезет, вот и заслали сюда раннеров, так ещё эти «драконы» называются. У них радиосвязь, разные датчики, сенсоры и оружие, причём смертельное – микроволны и лазер. В общем, что-то вроде робокопа из старого фильма, но без пулемёта. Местные предпочитают к раннерам не приближаться, а стараются сбросить на них кирпич или обломок плиты. Развлечение у них такое. Раз сто попадут – «дракон», считай, почти сдох. Тогда он уползает в город на ремонт.

Я и не заметил, как сумерки опустились, и нам пришлось фары на байках зажечь. Электричество, конечно, местные сюда провели, но никто и не подумал фонари воздвигать. Народу и особенно детей на улицах поменьше стало, зато чем дальше, тем гуще «чайные домики» и прочие заведения по-

падались. Из них орали дзоку, в записи или живые – непонятно было. Или одиночные музыканты в мастерстве упражнялись.

В одном месте мы мимо ещё горячего кострища проехали. От него смердело жжёным мясом. На дымном пепелище ходила старуха с клюкой и собирала крупные чёрные кости в мешок.

То и дело нас продавцы наркотиков и сутенёры окликали, прямо рёв моторов перекрикивали. «Нихон лав, Нихон лав!»

– Знаем мы этот Нихон, – обозлился Тони. – Сплошные филиппинки.

Наверное, он потому так сердился, что сам был нихонцем. А я так думаю, ничего странного в таких призывах сутенёров нет, потому что живут на полосе всякие люмпены – перуанцы, индусы, корейцы, китайцы, айна… Конечно, они от нихонок прутся. Ведь настоящая нихонка для Полосы всё равно что дочка Императора, такая же редкость.

В этом Ака Тётине так густо щиты с рекламой девушек и парней были натыканы, что в глазах рябило. Я тут раньше не бывал, мне сюда далеко от дома ехать. Но секс-отели на Полосе повсюду есть, чуть ли не в каждом подвале, только мне некого в них водить. К тому же у меня своя квартира есть.

Мы свернули в короткий тупик с бледно-синим щитом, на котором разные надписи и стрелки были. Тут уже стояло несколько ужасных байков, словно слепленных их ржа-

вых труб, и тусовался десяток шумных девиц и подростков. Тут же крутилось двое явных хобо, бродячих безработных. Они вечно выискивают местечко, где можно за какую-нибудь грязную работу экстази или бургером разжиться.

– Развлекайтесь, ребята! – сказал какой-то громила с помповым ружьем. Рядом с ним, по обе стороны от ляжек, видны были дубинка и короткий меч, чем-то заляпанный. Громила сидел прямо под щитом, на рваном футоне, и курил. Наверное, это был стаф, потому что он торчал совсем рядом со входом в бар. – Я посторожу ваши колёса.

От угона, конечно, байки охранная электроника защищала, а вот свинтить что-нибудь местные уроды могли. Стаф, похоже, оберегал какой-то местный «кодекс чести» и заодно заботился о репутации заведения. На Полосе законов нет, и без таких «кодексов» было бы гнусно.

– Наруходо! – кивнул Тони. – Так, камайну, далеко не разбегаться, через полчаса двинем дальше. Готовьте валюту.

Сэйдзи глянул на Аоки, и они на пару ушли в глубину тупика. Там виден был едва освещённый вход в какое-то здание. Словно бы оно не всегда тут стояло и вместе с другими разрушилось, а возникло уже после катастрофы. Оно было построено из деревянных и бетонных балок, а крыша у него походила на сложенные в молитве руки старого монаха – морщинистые и узловатые. Балки были перевязаны верёвками и тросами. И вообще его как будто сложили из строительного конструктора для саннэн-хойку. Тут у двери этого

дома показалась парочка полуголых парней, явно местных. Они моментально достали из мешка сигареты и закурили.

– Эй, Егор, ты остаёшься, что ли? – услышал я. Пока я пялился на странный дом, все собако-львы разошлись по ближним лавкам. Только Чипаня ещё не успел, он меня и окликнул. – Давай со мной, не угонят твой «ёкай»…

Я поглядел вокруг. Тут были сто-иеновый магазинчик с яркой фанерной витриной, мастерская по ремонту бытовой техники и бар под вывеской «Рокабири-клуб». Из его двери вылетала глухая волна музыкального грохота и криков.

– Ладно! – ответил я, снял толмача и затолкал его в кожаную сумочку под передней фарой. Мы с Чипаней вошли в лавку с микрочипом на вывеске и надписью «Вентиль инсайд». – А остальные в клуб двинули?

– «Клуб»! Скажешь тоже. Пускай идут, – махнул он рукой. – Всё равно не успеют толком приторчать. Гляди лучше, какие тут классные штуки есть. Нравятся?

Возле прилавка крутился только один грязный подросток. Он пытался всучить продавцу что-то мелкое и явно грошовое, потому что продавец не желал даже глядеть на товар. Покосившиеся полки, ярко освещённые, были сплошь заставлены непонятными устройствами, похожими на древние компьютеры. На ценниках у них были указаны какие-то уж совсем смешные числа.

– Смачный хлам, верно? Винтажная техника для вычислений, симатта! Эй, дядя, новинки есть?

– Мотирон! – обрадовался тот и погрозил мальчишке, чтобы отогнать того от прилавка. – Эпл первый на днях подвезли, всего за двадцать косых отдаю. Дёшево, потом что без родословной, блока питания, клавы и ящика.

– Масака! Покажи.

– А косые – это что за деньги? – спросил я.

– Тысяча рублей, – вежливо отозвался торговец, а Чипаня с пацаном заржали.

На прилавке возник огромный системный блок с синим ромбиком на передней панели. Ещё там были две кнопки и крошечный дисплей. Крышки у этого блока, конечно, не было, и Чипаня влез внутрь него головой, хищно всматриваясь в чипы и платы.

– Чуть ли не каждую неделю пытаются мне первый эпл всучить, дурачки! – сказал он. – Их всего двести штук Джобс и Возняк собрали, прикинь. Где пятьдесят шесть, всем знатокам известно. Последний года три назад на е-бэе за шестьсот косых продали… У него в комплекте ещё мануаль был и кассета с бэйсиком. Думаю, если её покрутить, она тут же осыплется. А простую машину можно всего за один косарь купить… – Чипаня высунулся из блока и возмущённо уставился на хитрую рожу торговца. – И за каким Буддой мне твой пятый пень сдался?

– Гомэн насай, господин! Неужели меня опять надули? Ну, попадись мне тот юсоцуки, что всучил мне эту иссан но кусо!

– Они тут в подвалах знаешь сколько техники насобирали, – повернулся ко мне Чипаня. – Там целые склады её были, списанной из разных офисов. Оядзи мой тут немало чего закупил, пока что-то ценное попадалось. Но лучшие вещи, само собой, только на е-бэе купишь. Лампу от эниака, скажем, или айбиэм пять-сотый. Сфера там, альтаир и прочие. Да, кстати…

Он достал из кармана плоскую коробку из жести и выложил её на прилавок. Внутри, обёрнутая в вату, лежала матовая лампочка с острой макушкой. И Чипаня, и продавец, и даже подросток склонились над ней и стали изучать, а мне стало неинтересно таращиться на это пыльное железо на полках. Я бы тоже, наверное, хотел чем-нибудь увлекаться, но для собирательства деньги нужны. Только танкобоны мне и по карману… Чипаня с хозяином покричали и ударили по рукам, и мы вышли в ночь.

– Лампу от старого русского телевизора впарил, а сказал, что от эниака, – похвалился байкер. – Только он не поверил, конечно. А у тебя что на продажу? Чем с Тони расплатишься?

– У меня хуманин есть. – Я показал Чипане упаковку. Она была ещё прохладной. – Как думаешь, он дорого стоит?

– Не знаю… – протянул байкер. – Об этом ты лучше Гриба спроси. Но штука редкая, по-моему.

В переулок въехал грузовик, подёргался в тесном пространстве и кое-как приткнулся к лавке бытовой техники. Из

него выскочило двое рабочих, они без промедления стали скидывать с борта старые холодильники, голики, микроволновки, кондишены и роботов-чистильщиков. И ещё какие-то автоматы были, не очень крупные. К технике моментально подвалили хобо и принялись выкликать хозяина лавки. Похоже, им сегодня повезло с работой.

– Нелегалы, – кивнул на грузчиков Чипаня. – Должны на заводы для переплавки возить, а стаскивают сюда – на Полосе платят куда больше, причём валютой.

– Слушай, а откуда у них тут электричество? Давно хотел узнать.

– Ты тёмный, что ли? Парогазка же рядом, три камэ всего. От неё подземные кабеля к порту идут, вот местные умельцы и сделали отвод. И органика из канализации, ил всякий сюда почти весь вывозится, тут из этой гаракуты метан гонят и ток вырабатывают. Да ещё компост потом продают на рисовые плантации. Тут парни не промах, уж будь уверен – из любого ксо иен настругают. Что-то одзи задерживается… – хмуро добавил он. – Пойдём к нашим, что ли?

Я пошёл вслед за Чипаней, пригнул голову на входе и очутился в дымном и тёмном подвале, набитом людьми. Нам пришлось почти проталкиваться через потную и полуголую толпу. Откуда-то гремела раздолбанная эреки. Наверное, эта музыка тут и называлась «рокабири». По потолку метались корявые тени. Меня кто-то хватал за рукава, одна совсем косая девчонка повисла у меня на шее и хотела повалить, но я

не дался. Я боялся отстать от Чипани. Он так ловко тут двигался, что я сразу понял – это опытный тусовщик. Вообще-то подвал оказался маленький, потому в нём и было тесновато. И макушкой я почти задевал ржавые запотевшие трубы, которые поверху тянулись.

Камайну пристроились возле стойки из пластиковых ящиков, недалеко от огромного перегонного куба, где сакэ бродило. Это я по резкому запаху понял. Из наших только трое было – Ковш, Гриб и Херми. С ними сидел незнакомый мне отоко в одних шортах, густо татуированный. На его лысой голове, прямо над ухом, я увидел малиновый шрам.

– Егор! – обрадовался Гриб. – На, дёрни косяк.

Он сунул мне в зубы слюнявый окурок, и я затянулся сладким дымом. Потом затяжку сделал Чипаня, и мы втиснулись в компанию, подвинув ребят. Херми вскочила и усадила меня на свой ящик, а сама влезла мне на колени и прижалась к моей шее головой. Задница у неё была маленькая и твердая.

– Иди лучше ко мне, – потянул её Ковш, но Херми оттолкнула его руку.

Сразу за стойкой громоздился огромный чан, из него то и дело через кран наливали неочищенный сакэ. Много стаканчиков в микроволновке пыхтело, а другие постоянно совали в морозилку. Никакой разницы для бармена не было, что морозить, что греть – да уж, культура тут нулевая.

– Этот волосатый монстр – Егор, а это Такиче, – представил нас Гриб. – У Егора чёрный паспорт, вникаешь? А

Тайшу с Флорой какие-то вонючие хлыщи пригласили на танец. – Кажется, он слегка обижался на девчонок. – Я Минору наказал, чтобы не дал их натянуть.

– Сугой отоко, – одобрил мой вид Такиче. – Если чёрный – это полный сугой. Ты бета-катенином накачался? Или ещё каким белком закинулся, чтобы волосы в рост пошли?

– У меня Леф-1 накрылся.

– Сугой! – опять повторил Такиче с восхищением. – Здорово. Ты местный?

– Да не местный он, а наш, в маншёне рядом с портом живёт… – влез Гриб. – Ладно, трепись дальше. Чего ты там заливал?

– Я как было рассказываю, симатта! Ну вот, ползу я по своему подвалу возле самого берега, дом там вообще рухнул, только одна тайная дырка осталась. Фонариком свечу. И вдруг вижу – впереди круг света, и в нём пожилой отоко сидит, полный дарасинай в рубище. Хотел его по черепушке долбануть и в воду сбросить, но что-то меня остановило.

– Благородный, что ли? – хрюкнул Чипаня. Он купил у бармена новую сигарету с травой, поджёг её и дал мне затянуться. После второй затяжки мне показалось, что кэцу у Херми совсем не такая твердая, как кажется поначалу. Я сунул руку ей под косуху и майку и провёл по спине ладонью.

– Нэйкан, – хрипло сказала она и обняла меня за шею. Зрачки у неё плавали, словно чёрные оливки в масле.

– Кутабарэ, – отрезал Такиче и сердито поглядел на Чи-

паню. – Ну, подошёл я и рядом встал, а сам арматурину покрепче взял. Вдруг у него сюрикэн в рукаве?

– Унко навалить присел! – заржал Ковш.

– Урусай, симатта! – не вытерпел уже Гриб. – Ты не слушай его, Такиче, он после гнилой травы шизеет. К тому же синестетик по жизни, для него твой трёп – что ужимки клоуна в театре дзёрури.

– Не трёп, а истина!

– Ёси, валяй дальше.

– Ну вот, этот оборванец показывает на особо жёлтый грибок на стене и говорит: «Красота, ёппу!» И опять уставился на плесень, и не отскребает её. И подумал я тогда – сидит пожилой человек, слагает трёхстишие, а я пришёл грибы скоблить. Ну и ксо же я после этого! Постоял рядом, полюбовался на жёлтые разводы и стал другие грибки срезать… А старику пригрозил, чтобы он не вздумал про дыру в завале кому натрепаться, а то всю его красоту на дурь переведут.

Все замолкли, даже Ковш. На минутку наша компания стала островком просветлённой тишины в этом шумном бардаке. «Сатори!» – подумал я.

– Уйду я из этого бизнеса! – в сердцах заявил вдруг Такиче. – Достало уже плесень собирать. Или в Россию буду ездить, на Сахалин, мне наш босс предлагает служебный рост. Там «морнин глори» растёт, из Штатов завезли и плантации высадили. Вот он и хочет сюда поставки наладить. Это вьюнок какой-то, у него в семенах психоделик есть. Никакой те-

бе лаборатории не надо – бери готовое!

– И что? – заинтересовался Гриб.

– Зажевал пяток семян, и торчишь, как от нормальной дозы элсэдэшки.

Тут у Гриба что-то громко пискнуло, он не успел восхититься и уставился на экран смарта. А Херми уже совсем поплыла и вовсю шарилась у меня под курткой, так что я против воли взопрел и скинул суйкан. От этого девушка ещё круче завелась и полезла уже мне в штаны. Я сунул ей в зубы стакан сакэ с ледышкой и обнял покрепче – спеленал рукой, чтобы не суетилась.

– Что за гаракута у тебя? – недовольный тем, что вклинились в интересную тему, спросил у Гриба Такиче. – Сэмэска от предков пришла?

– Синдзимаэ! Это я он-кью настроил, чтобы по часам дурь принимать – не раньше и не позже, понял? У папаши программу спёр, он по ней лекарства хавает. Вот, глядите. – Он показал нам надпись на экране: «Обдолбись апоморфином, хрен, пока не заломало».

– Нашёл чем закидываться, – хмыкнул Такиче.

– Это же просто напоминание. А вдруг оядзи на глаза попадётся? Про апоморфин он и не спросит, а за дитран какой-нибудь может по башке настучать.

– Ну? – очнулся Ковш. Новой сигареты с травой ему никто не предлагал, вот он постепенно и очухался. А Херми тем временем, не сумев вырваться из захвата, дотянулась мне до

уха зубами и стала его грызть. Хорошо ещё, что не больно. – Доставай, симатта.

– Дзаккэнаё, брат, – хмуро ответил Гриб. – Скоро едем уже, хватит дурь лопать. И кончай сакэ хлестать, эбселена на тебя не напасёшься. Сейчас Сэйдзи придёт, а ты уже кривой.

– А где он? – встрепенулся Чипаня. – Долго чего-то нет.

– Не забудет…

– Слушай, а тебя за такие письма сэмэс-полиция не достаёт? – спросил Такиче. – Они же отлавливают подозрительные сообщения.

– Симатта, это же внутренний трафик смарта. Въезжаешь?

– Извини, сроду своего смарта не было. Это для городских игрушки…

Тут в музыке случилась пауза, и сквозь толпу к нам в уголок пробилась Флора. Она упала на спину Гриба и расслабилась, и ему пришлось усадить её на себя. Флора была вся красная и потная, и тяжело дышала, но глаза у неё были счастливые. Правда, когда она увидела Херми у меня на коленках, они ещё больше сузились.

– У, запарилась! Думала, помру сейчас. Отпускать не хотел, тикусёмо!

– Говорил тебе, не жри экстази. – Гриб пригладил девушке волосы и потрогал ей лоб ладонью. Потом покачал головой и крикнул бармену: – Эй, хозяин, гони кусок льда! – Ему пришлось отдать дырявую пяти-иеновую монетку, зато Флора

перестала пыхтеть и успокоилась. – И ты не лопай перед танцульками, понял? – приказал он мне. – Наслушались Аоки, симатта! Экстази когда в кровь попадает, он мозговые клетки начинает долбить, которые серотонин производят. Кровь этой гаракутой насыщается, и тело перегревается… Видишь, что бывает? – кивнул он на Флору. – Кровь свернётся, и конец журавлику.

– Не зуди, Гриб, я и так знаю. – Флора прижала пальчик к губам товарища.

– Тайша-то где?

– Её какой-то дэбусэн пасёт. А как начнёт в штаны лезть, она ему про свой вич на ушко шепнёт, сама сказала.

Все засмеялись.

– А вообще-то верно Гриб говорит, – встрял Такиче. – Чем экстази греться, лучше псилоцибин хавать. Вот у меня…

– Мне сёсуй надо, – сказал я. Херми мне мочевой пузырь отдавила.

– Пойдём, я тебя провожу, – оживилась она и вскочила.

Она потянула меня за собой сквозь толпу, в дальний угол подвала. На сцене упражнялась на плохих инструментах дзоку, особенно тайку старался, лупил по своим барабанам. В паре метров от сцены видно было тёмное ответвление, едва задёрнутое плёнкой. Оттуда повanивало. А там разные стороны вело две расхлябанных двери – возле одной кучковались девчонки и курили, а рядом со второй никого не было.

– В мужской пойду, а то в бабский не протолкаться, – со-

общила мне девушка и прошмыгнула передо мной. – И за пацана принять могут, со мной бывало… Пьяные же все. Как давай визжать, яриманы.

Я вошёл следом. Навстречу нам попался Минору, он увидел Херми и хотел что-то сказать, даже рот открыл. Но потом посмотрел на толпу возле женского тойрэ и смолчал. И ещё Херми грозно так на него зыркнула.

Духан тут стоял крепкий, но терпимый, потому что кондишен вовсю работал, воздух освежал. И грязи почти не было, только возле урны валялись пустые коробки из-под разных таблеток, не говоря уж о крошечных окурках. И стены были целиком расписаны всякими грубыми словами и любовными признаниями.

Какого-то хилого отоко тошнило в раковину, а приятель макал его головой в струю воды.

Херми завалилась в единственную открытую кабинку и поманила меня за собой. Другие, похоже, были уже заняты. Я в сомнении остановился, но она в самом деле походила фигурой на мальчишку, и никто не возмутился. Хотя вообще-то было некому. Херми зашипела, и мне пришлось зайти в кабинку вслед за ней.

– Закрой дверь-то! – прошептала она. – Ну давай ты, а потом я.

Терпеть уже сил не было, и я помочился в унитаз, стараясь не думать, что рядом пыхтит девчонка, штаны расстёгивает. Пусть она и с тестостероном в крови, и варэмэ у неё нетро-

нутая. А тойрэ нормальный был, тут даже ханагами на бачке лежала, и я взял один листик. Но не успел я данкон обратно спрятать, как Херми уже на унитаз с ногами взобралась и меня за тибу схватила. Штаны у неё уже спущенные были, и она нимало не смущалась.

– Уф… – Я услышал, как она сёсуй делает. И вдруг она наклонилась и надела губы мне на данкон, целиком закусила. Я ничего и сказать не успел! – Ну ты волосатый, симатта.

– Ты чего, Херми? – поразился я.

Попытался отодвинуться, но она сцепила ладони у меня за коленями и не отпустила, а дёргаться я побоялся, чтобы дверь спиной не вышибить. Пока я думал, как поступить, между ног у меня возникло такое напряжение, что хоть гвозди заколачивай. А Херми всё не унималась, двигала головой как заведённая, с закрытыми глазами.

– Хватит, а? – прошептал я через силу.

– В кэцу хочешь? – Она выпустила бокки изо рта и подняла довольное лицо кверху. Но язык у неё никуда не делся, а продолжал типатаму оглаживать. – Я тоже. У меня всё с собой, сейчас…

Она встала прямо на унитазе, оказавшись немного выше меня, и почти упёрлась головой в крашеную чёрным трубу. Медленно, словно перед камерой, она достала из кармана курточки тюбик и свинтила крышку. Тут бы мне и свалить, но я смотрел на неё словно парализованный. На ладонь ей выдавилась ракушка прозрачной мази. Потом Херми повер-

нулась ко мне спиной, нагнулась и провела ладонью между маленьких ягодиц. Там осталось густое блестящее пятно. Она согнула колени и оперлась одной рукой на бачок. А второй потянула меня к себе, направляя бокки прямиком в цель.

Но тут в соседней кабинке кого-то затошнило, зашумела вода. Раздалась зычная ругань. Словно свежий ветер выдул из меня отупение, и я остановил Херми.

– Я не могу так… И вообще не могу.

Она обернулась с улыбкой.

– Омонку сделать? Хорошо, я сама себя поглажу. А может, попробуешь? – И Херми неожиданно подалась назад, я не успел удержать её и вдруг ощутил себя глубоко внутри её кэцу. Как по маслу вошёл, симатта.

– Не надо, нэтан, – прохрипел я.

Но она не послушалась и стала отталкиваться руками от бачка, касаясь меня твёрдыми ягодицами. Не знаю, как я с ума не сошел и сдержался, когда она вскрикнула и стиснула меня. Едва соображая, я подождал минутку и осторожно отодвинул Херми от себя. Девушка вяло сопротивлялась. В это время шум снаружи стал какой-то слишком громкий, послышались возмущённые голоса, и в нашу дверь постучали кулаком.

– Эй, буру секкасу! – сказал кто-то резко. – А ну выходи, кисама.

– Сейчас, брат, – ответил я. Тело у меня непроизвольно

дёргалось, словно я за голые провода под током ухватился.

Я кое-как затолкал бокки на место и помог Херми спуститься с унитаза, а то она плохо на ногах стояла, и подтянул ей штаны. Ремешок никак не хотел застёгиваться. Она вцепилась в меня и не желала открывать глаза. Я обнял её за плечи и отодвинул защёлку.

– Ну, что за дёсэай тут устроили? – буркнул стаф. – Проваливай в эсу-хотеру, если невтерпёж.

Это был крепкий кореец, но все же сильно меньше меня ростом. Он поглядел на вялую Херми, и его узкие глаза распахнулись – наверное, опознал в ней девчонку. Он окинул меня свирепым взглядом и заметно смягчился. Кажется, умно решил не применять силу. И отступил вбок, выпуская нас. Мы вышли из тойрэ и опять очутились в мешанине подвижных тел, только дзоку на этот раз играла что-то не очень быстрое. Я прижал Хермину голову к груди и стал как бы танцевать, просто покачивая её, и постепенно она очухалась.

– Ты чего? – Она подняла сочувственные глаза. – Ты совсем бака, да? У тебя ген верности? Это из-за него мужики однолюбами тухнут… Зачем вылез раньше-то? – Я промолчал. – Ты на Аоки запал, да? – Херми скривилась и толкнула меня в живот кулачком. – Точно бака. Да ты думаешь, если она тебя в банду заманила и байк отдала, то станет твоей онна? Они с Тони знаешь куда пошли?

– Куда? – окаменел я.

– Куда-куда! Туда же, куда он всех нас таскал не по разу,

понял? Кроме Тайши. И меня тоже. – Я никак не мог сообразить, что она хочет мне сказать. – Ну, догадался? Ох, просто слов нет! Факку они пошли… Там за храмом этим долбаным эсу-хотеру есть, понял?

– Секс-отель? – переспросил я.

– Ну наконец-то допёр.

Как я не бросил всё и не ушёл из клуба, не знаю. Наверное, Херми доволокла меня до стойки, потому что я ничего не слышал и не видел. Знал ведь, что Аоки запретила мне считать себя моей онна, и всё равно обманулся. Кто-то сунул мне в рот таблетку апоморфина, а в руку – стакан ледяного сакэ, и я залпом проглотил лекарство. И стало как-то полегче! Я выдавил из себя улыбку и прислушался к разговору между камайну. Только никак у меня не получалось его нить поймать, слова проскакивали голову насквозь. Голоса звучали мирно и почти не мешали слушать отличную игру музыкантов и наслаждаться переливами света по стенам и фигурам танцоров.

– Психоделики повсюду в природе! – пробился ко мне голос Такиче. – Государство нужно, только чтобы навязывать нам корпоративные ценности – дом, машину, счёт в банке… Думаешь, они пробовали сернил? А я вот грибы всякие едал, и отвары из них литрами хлебал! Я-то знаю, о чем толкую. Когда они говорят: «Мескалин – наркотик!», я хочу плюнуть в них псилоцибиновой слюной…

Мне сунули расплющенный бургер и пакет чипсов, и я

сжевал гохан, не глядя. В какой-то момент мне показалось, что в толпе мелькнула фигура чёрного отоко, что вчера на стоянке крутился, и я встрепенулся, стал таращиться на людей. Только резь в глазах заработал.

Не знаю уж, сколько я так тупо просидел с Херми на коленях, только вдруг очнулся и пошёл вместе со всеми к выходу. В мозгах помаленьку прояснялось. А на холодном ветру я и вовсе очухался.

– Так, камайну, есть проблема, – сказал Тони. – Нужно полтора косаря на оптовую партию. Старик уже скидку сделал. Давай сюда кто что имеет, быстро. Потом расчёт сделаем, дозы будут честные.

Аоки сидела на своём байке и причёсывалась, глядя в зеркальный экран смарта. Я протянул Сэйдзи упаковку с хуманином, и она резко выделилась на фоне рублевых купюр.

– Что за гаракута, Егор? Она что-то стоит? Эй, Гриб, проконсультируй.

Гриб изучил надпись, химическую формулу и пожал плечами:

– Надо пробовать… Но на хорошую дурь не похоже.

– Ладно, никто не расходится. Егор, Гриб, со мной.

И мы втроём двинули к «храму». Только это не настоящий храм оказался, а подделка, потому что внутри у него никакой святостью и не пахло. А по форме похож был, это точно. Первый этаж тут совсем выгорел, а второй почему-то хорошо сохранился. Туда вела крутая лестница из обломков бетон-

ных плит. Под тусклой лампой стоял вооружённый стаф, он наскоро обыскал нас и кивнул на узкий проход между кривыми стенами.

Я уже что-то стал замечать вокруг. Хорошо, что мышление у меня тормознутое, а то бы мучился как настоящий бака и про Аоки всё время думал.

Тут нас ещё раз обыскали, уже два громилы. И мы вошли в укреплённую плитами комнату, резко не похожую на всё предыдущее. Как будто мы на самом деле очутились в святилище. Посреди него сидел на татами просветлённый человек в нихонской одежде. На ногах у него были хакама – широкие брюки с перевязками пониже коленей, а плечи закрывала каригину. Наверняка поддельная, конечно. Но смотрелся отоко почти как древний самурай, только без меча.

А две девчонки по разные стороны от него меня вообще поразили. Одетые в тёплые кособэ, они играли на сямисэнах и при этом напевали что-то нихонское. Красивая сайбара у них получалась. Ещё одна девушка стояла рядом с хозяином на коленях и держала в руках чашу для чайной церемонии. Тут же имелся и корявый нихонский чайник в потёках глазури.

Тони глубоко поклонился хозяину, и мы тоже повторили его жест. Только вряд ли правильно.

– Ты вернулся, одзи, – сказал отоко. – Я знал, что могу на тебя рассчитывать.

На нас с Грибом он не посмотрел, зато я заметил на себе

любопытные взгляды девчонок. Играть и петь они, само собой, не прекратили.

– Соблаговоли оценить размер вознаграждения, Ёсимура-сан, – разродился Тони и шагнул к хозяину. Мы остались на местах, потому что никакого знака от Сэйдзи не последовало. Похоже, вежливых слов переговорщики друг от друга уже наслышались, так что теперь не трепались впустую. – Тут тысяча триста рублей и одна отменная упаковка хуманина. Редчайшая химия, Ёсимура-сан…

Тони уселся напротив хозяина, и тот принялся изучать валюту на подлинность и мою пачку. Он совсем недолго молчал.

– Это ничего не стоит, – сказал он и потряс перед Тони хуманином.

– Напротив, эта великолепная и лечебная химия способна обогатить тебя неизмеримо быстрее, чем банальный адренохром, – возразил Сэйдзи. – Не говоря уж об экстази.

– Мелок океан сатори, способный развернуться под принявшим это. Продлевая же дни свои на земле лекарством, человек лишь множит свои страдания… Тридцать рублей.

– Подлечив себя, продляет он дни свои на земле, тем увеличивает твой доход, сэмпай… Четыреста рублей.

– Хонто дэсу ка? – прищурился Ёсимура. – Никакое лекарство не может стоить дороже моего дитрана, даже подмоченного… Пятьдесят рублей.

Гриб подмигнул мне, изобразив что-то вроде «Нормально

треплются». Не знаю уж, из каких таких расчётов переговорщики знали, какова должна быть правильная цена хуманина. Я перестал их слушать и просто тупо глядел перед собой, а музыка все звучала и менялась. Мелодии плавно и незаметно перетекали одна в другую.

– Тото матэ! – минут через пять сказал Ёсимура и кивнул девушке с чашей.

Она поднялась и ушла через щель за глухую плиту, расписанную каной. И вскоре вернулась с двумя перевязанными пачками размером с ладонь каждая. Тони поманил Гриба, и тот присел рядом с ним. Как я понял, Гриб выступал нашим экспертом по качеству. Он минут пять обнюхивал таблетки, расфасованные в картонные плашки, и подсчитывал на смарте чистый вес наркотика. Пару раз ему пришлось лизнуть таблетки и посидеть с закрытыми глазами.

– Все в порядке, – сказал он. – Отличный товар.

– Не хватает ста шестидесяти рублей, – заявил спокойно хозяин. – Либо ты приносишь их мне в течение часа, либо я прекращаю работать с тобой. И не только я, конечно… Полоса будет закрыта для тебя, одзи.

Тони обернулся ко мне, потом глянул на одну из девчонок и спросил:

– Через час у меня будет сюжет для эччи с участием этого сугоя. – Ёсимура как будто впервые заметил меня и внимательно оглядел. – Чёрный паспорт по Леф-1. Неплохой эпизод для молодёжного фильма, верно? Качество по моему

смарту, ты его знаешь.

– Красивая момо – твоя… Не меньше двадцати минут съёмки, с двух камер. Китэ-кудасай!

И мы вышли от оптовика. После света его комнаты я почти ничего не видел. Стаф вывел нас к лестнице на землю, и только тут холодный воздух и фонари во мраке прочистили мне мозги и глаза.

– Кто момо будет? – спросил Гриб. – Флора?

– Естественно, она же без денег приехала. Как всегда.

– А что за работа? – Это уже я голос подал. Мне помаленьку становилось интересно жить, потому что про Аоки я старался не думать.

– Какая работа, парень? Так, развеешься на пару с Флорой, а мы с Минору вас поснимаем.

Камайну уже успели вступить в пустой разговор с местными тусовщиками, а некоторые даже были допущены потрогать байки, особенно девчонки. Среди них видны были совсем малолетние огяру, сплошь увешанные бижутерией и гарнитурами к смартам. Вряд ли в них имелась полезная электроника.

– Развлекаемся ещё час – и всё, – скомандовал Тони. – Для тебя, Флора, отдельное развлечение. Минору, ты смарт давно заряжал? На полчаса видео хватит?

– А то.

Пачки с химией Сэйдзи, конечно, никому не доверил, и под уханье собако-львов и местных мы отправились за

«храм» Ёсимуры. Там и в самом деле виден был прилично отделанный эсу-хотеру с розовым фонарём над входом. Флора взяла меня под руку и прижалась бедром, заглядывая снизу вверх. Тони сунул тонкую пачку иен в зарешёченное окошко при входе, и ему в руку выпал электронный ключик с номерком.

– Слушай, одзи, а Егор полчаса протянет? – в сомнении спросил Минору.

– Ати ни икэё, – высказалась Флора. – До итасимаситэ. Ты не годишься, симатта. А Егор вон какой сутэки.

– Да я чего, – обиделся байкер и потрогал свой крупный нос. – Я подменить могу, если что…

– Ты в другой раз, ёси? – Тони потрепал его по плечу. – У меня заказ на Егора, больше никого не примут.

– Конечно… Понятно.

Мы поднялись по узкой бетонной лестнице и очутились в полутемном коридоре с ворохами каменной крошки и прочим мусором на полу. Кое-где слышны были сдавленные крики, ругань и музыка. В нашей комнате было до удивления чисто, даже окно было пластиком забрано, и ветер по комнате не гулял. Только мебели никакой не имелось, и света тоже, зато у нас нашлось два фонарика. Минору и Тони подключили их к аккумуляторам смартов и расположились по обе стороны от протёртого футона.

– Ну, начинай. – Тони глянул на индикатор времени. – Не трусь, дани тут травят. Нормальный хотеру.

– А можно в тойрэ сходить? – спросил я. – А то… Ну…

– Херми! – воскликнула Флора. Она уже скинула куртку и вынула подол рубашки из-под ремешка. – Кэцу подставила, субета?

– Я не хотел…

– Ладно, давай сюда данкон.

– Это не снимай, – попросил Тони, и Минору кивнул. Он начал тяжело пыхтеть и отирал пот со лба, сверля Флору жадным взглядом.

А мне уже было всё равно. Я расстегнул штаны, и Флора занялась подготовкой – смочила платок сакэ из фляжки и стёрла с моей кожи остатки Херминой смазки. В волосах ей пришлось повозиться. Пока она трудилась, я думал, что данкон у меня сам собой будет готов, но он не обращал внимание на пальцы девушки. И потом тоже, будто у него нервы обрезали – висел и не двигался. Хотя Флора здорово омонку делала, очень приятно было.

– Стоп! – сказал вдруг Тони и прекратил снимать. – Мё! Ну, дёсита? Ты импотент, что ли? Или дури облопался?

– Не знаю. Раньше всё нормально было.

– А, ты же в кэцу Херми всё спустил.

– Нет, я удержался…

Он недоверчиво уставился на меня, а Флора вдруг истерически хихикнула и повалилась на футон. Потом на глазах у неё выступили слёзы, она отвернулась и всхлипнула. Сэйдзи вынул пачку экстази и выковырнул из неё две таблетки.

– На. Разжуй и сакэ запей, чтобы быстрее подействовало. – Он глянул на часы. – Симатта, пятьдесят минут осталось.

Я проглотил экстази и выпил остатки из Флориной фляжки. Минуты две ничего со мной не происходило, потом вдруг комната стала ярче и теплее, а по стенам поплыли цветные разводы. Хотя это были всего лишь наши тени. «Я стану героем молодёжного фильма!» – подумал я с восторгом и поглядел на Флору. Она увидела мою радость и стала стягивать через голову майку.

– Семьдесят джей, – похвалилась она и показала грудь. Да, ей было чем гордиться. Потом она скинула штаны вместе с трусиками и отбросила их в сторону Минору. Оттуда послышался хрип, а Флора рассмеялась, встала на коленки и опять принялась делать омонку. Я же послушался одзи и стащил с себя одежду, и мне совсем не было холодно.

Тут уже у меня все получилось. Я и не заметил, как полчаса пролетели. Когда у меня в первый раз заряд кончился, мы по второму кругу пошли. По другому пристраивались – то она сверху, то я сбоку, по всякому. Флора кричала в полный голос, а довольный Сэйдзи бормотал «Сугой» и командовал, как нам эсу делать. Они с Минору вокруг нас суетились, чуть ли не внутрь Флориной варэмэ объективы совали.

А когда Тони скомандовал «Стоп», бедный Минору выхватил из штанов бокки и отвернулся. Его затрясло, а Флора с Тони рассмеялись.

– Всё, побежали!

Мы второпях оделись, и я едва справился с бокки, потому что он никак не желал опадать. Я видел в одном эччи по голику, что так от экстази бывает, но со мной пока такого не случалось. И я был счастлив, что испытал такое удивительное приключение в эсу-хотеру. Даже своей волосатой шкуры почти перестал стесняться. Флора была очень красивая и горячая, куда веселей Аоки. Та мне даже варэмэ свою не показала. И грудь у Флоры приличная, к тому же как раз мне по ладоням, не то что Аокины «прыщики».

– Что ж, Егор, пятьдесят рублей ты отработал, поздравляю, – произнёс Тони. – Осталось уже немного…

Минору смущённо заржал. Он держался позади – наверное, переживал свой онанизм в комнате. А мне сейчас всё безразлично было. Экстази постепенно выветривался из меня, но так было даже лучше. Я думал, что всё происходит правильно, как надо. Очень хорошо, что Аоки больше не маячит передо мной как призрак. Верно мне мать сказала, что не про меня эта онна.

Я покрепче обнял Флору, когда помогал ей на землю спуститься, и она потёрлась мне о плечо носом.

– Я все ещё от нодзоми дёргаюсь, прикинь, – выдохнула она куда-то мне в шею. – Койкава… Как у Будды за пазухой…

– Будешь моей онна? – прошептал я ей на ушко.

Но Флора почему-то рассмеялась и чуть не споткнулась. Она смеялась всё громче, все камайну и местные, что под

вывеской стояли, к ней повернулись. Тони приказал ей заткнуться, но Флора ещё долго вздрагивала от смеха, прикрыв рот ладошкой.

– Извини, Егор, но я веганка, – призналась она. – У нас с тобой питание различается. Я никаких животных продуктов не ем – ни яиц, ни даже мёда. И майка у меня специальная, из соевых бобов пошита. Она старение кожи замедляет. Теперь ты видишь, какие мы разные?

– Да? – растерялся я.

А моторы байков уже урчали, разогревались, собако-львы проверяли аппараты и прощались с разочарованными огяру. Наверное, эти девчонки мечтали, чтобы крутой байкер однажды умчал их в город, к настоящей жизни и весёлой рекламе. А мы втроём стояли возле лестницы в «храм» и ждали Сэйдзи – он пошёл отдавать наркодилеру флэшки с фильмом.

– Забудь, Егор, – сказала Флора. – Я кукла с четырьмя пальцами. Тебе нормальная онна нужна, чтобы ухаживала за тобой.

Тут я ещё меньше понял, честно говоря. Почему они с Аоки так говорят? Разве сами они не нормальные? Это ведь у меня чёрный ген-паспорт, а не у них! Да и не бывает кукол с четырьмя пальцами, я точно знаю. Но долго размышлять над словами девушки у меня не получилось, потому что появился довольный Тони. Гриб раздал всем по таблетке эбселена, только после неё у меня организм немного расслабился, и я стал толком видеть и слышать. Вернулся холод, осо-

бенно вместе со снежинками. Они старались залепить стекло моего «демона».

– Каждый заберёт у меня свою долю сам, когда надумает, – сказал Тони. – Икудзо, камайну!

Он ткнул в управление байком, и на защитном листе пластика перед ним возникла яркая карта ближайших окрестностей. Не такая густая, как в городе, потому что Полоса плохо позиционирование со спутников держит. Наши девушки наносили на лица последние мазки косметики, глядя в зеркальные экранчики смартов.

– Ребята, мы вас будем ждать! – заверещали огяру и прочие заинтересованные. Кого-то из них пришлось силком стаскивать с байков. А стаф у рокабири-клуба махнул дубиной, удачной дороги желал.

Домой я очень поздно вернулся. Но в коридоре мне всё равно Ёсико попалась, и опять на мароне. Как ещё не доломала несчастного робота? Девочка оглядела мой новый прикид и подняла большой палец:

– Сугой! А это что? – И шустрая ручонка моментально влезла в карман моего суйкана и выудила танкобон из секс-шопа. Я не успел схватить его, как Ёсико уже отпрыгнула в сторону и оседлала марона. – У! Я возьму почитать! Торчу от г-хентая. Не трусь, предкам не покажу.

Как я ни ругался, она укатила прочь, а гоняться за ней по маншёну я не рискнул. Ещё пол провалится под моей тушей.

Сидор выкатился мне навстречу и просканировал моё со-

стояние, и оно ему не понравилось, особенно когда я ему «привет» усталым голосом сказал.

– Нужна ли хозяину помощь? – спросил он.

– Даже есть не хочу… Душ и спать, ёси?

– Повеселить? Голик включить?

– Эх, сидор ты мой, сидор… – Я потрепал обиженного невниманием робота по макушке. Хотя какой он обиженный? В нём же блок эмоций вообще никакой, по сравнению с новыми моделями. – Ты мой лучший друг.

Но он сделал вид, что не верит.

5. Вторник

Зоопарк у нас маленький, но симпатичный. Такой круглый пятачок природы между пластиковыми домами с зеркальными стенами. Он на самом холме стоит, и если бы не огромные небоскрёбы со всех сторон, было бы видно море. В ноябре зоопарк особенно красиво выглядит, потому что листья вишни и сливы меняют цвет с зелёного на жёлтый и красный. И хризантемы зацветают, ими у нас аж две клумбы засажены. Все остальные цветы где-то вдоль ограды и между вольерами растут – азалии там, пионы, гладиолусы, лилии, колокольчики… Всякие, я многих не знаю по названиям. А для лотосов есть маленький пруд в середине. У нас даже в начале месяца свой фестиваль цветов устроили. Только не в самом зоопарке, потому что места мало, а напротив синтоистского Храма.

Вход стоит три тысячи иен, поэтому толкучки никакой нет, и мошенников тоже – везде термокамеры висят и подвижные части робарта шныряют. На ночь, конечно, эти ребята в служебные помещения прячутся.

Обычно я в ангар с робококами пешком хожу, чтобы после «хорнета» размяться, а тут решил повер взять. На новом байке почему-то не устал ехать! Хотя вчера мы ещё долго в темноте гоняли в районе порта, на склады «Микемото Инк» заезжали – Сэйдзи там будто на работе отмечается. Ну

и накатался же я! Ночью по грузовому терминалу здорово ездить, контейнеры с кранами так и мелькают. Показали мне, где самая близкая к моему маншёну воздушная заправка, и я полный баллон накачал. Она как раз на полпути между домом и зоопарком оказалась. И ещё Тони отдал мне упаковку с экстази и сказал, что я могу к нему не заезжать, потому что это всё. Штук десять таблеток там было. Ну и ладно, зато мой долг уменьшился.

Встал я на повер, за поручни тележки ухватился и один из них выкрутил – это ручка «газа». Лучше, конечно, чем пешком ходить. Только с такой тележкой в городе делать нечего. И весит много, и аккумулятора хватает километров на десять. Зато едешь быстро, почти как на велосипеде.

После ночного снега на дорожках остались мокрые пятна.

Возле автомата с манга я даже не остановился. Как с Аоки пообщался и на Полосу с бандой съездил, за детские комиксы мне стыдно стало, хотя в автомате у нас и хентай продаётся…

Посетителей только с девяти пускают, а то бы Давид, наверное, поостерегся на дерево влезать. Я его сначала не заметил, только удивился: что за птица у нас кукует? А потом всё-таки увидел, что это Давид так меня приветствовал.

– Ты чего? – спросил я его, когда притормозил.

– Учись подниматься над обыденностью, ученик, – ответил он и слез с дерева. – Сначала телом, а потом и духом. Это был тебе мой первый урок. Ты ещё не забыл, что я твой

нагваль?

– А? – И толмач мне сразу объяснил, что это мексиканский сэнсэй.

Давид привык, что я иногда переспрашиваю, поэтому внимания не обращает.

– На самом деле я поднялся повыше, чтобы меня солнце освещало, пока тучи не набежали. Я поглощал его энергию, понятно? – Он уставился на мою недоверчивую физиономию. А я не мог сообразить, как может человек быть солнечной батареей.

– Понял! – догадался я. – Ты аккумулятор смарту подпитывал.

– Ты не слушаешь меня, – возразил нагваль. – Знай, если смотришь на солнце в начале рассвета или на закате, стоя на земле или дереве босыми ногами, то лучи проникают сквозь глаза прямо в мозг. А тот уже применяет эту энергию для своих нужд, то есть поддерживает организм. Что такое мозг без тела? Ничто. Вот так, Егор!

Вдруг он сморщился и потёр живот ладонью.

– Болит? – испугался я.

– Энергия плохо усвоилась… – Я потрясённо промолчал, но тут Давид рассмеялся и сказал, что пошутил. Но в каждой шутке, мол, я всё равно должен искать правду. – Ладно, слушай мою первую историю, – торжественно заявил он.

– Давай ты мне её потом расскажешь? Про солнечную энергию ты ведь уже поведал. Очень познавательно.

– Нет уж, зря я спозаранку явился, что ли? Да ещё в свой выходной?

Я опять завёл повер и медленно покатился по дорожке, такой чистой, будто и не осень на острове. Робококи у нас хорошо за территорией следят, ни одной щепки или бумажки не пропускают. И тут я вспомнил про пластиковый цилиндр, который Давид мне вчера отдал. Так ведь я и не потренировался, совсем из головы выскочило. А всё из-за этих байкеров, по-моему. Ладно хоть надеть не забыл, болтается теперь под курткой.

– Когда ещё ты учиться будешь? Так вот, было у меня однажды трое парнишек, не очень способных, но я им доверял. И решил я поставить опасный опыт. Чтобы в чистый дух превратиться, надо хранителей своего тела и сознания отыскать. Вот они, ребята мои, стали этими хранителями. А третий психоэнергию на себя принял. Что с моим духом творилось, я не запомнил, потому что всё это божественные дела. А вот тело спокойно работало, выполняло команды хранителя… А я в пустоте пребывал, в полной – представляешь? И темноте.

– И в тишине?

Давид запнулся и поднял глаза к небу, пока ещё ясному. Только далеко над крышами небоскрёбов видны были краешки туч. Как всегда, ночью между субботой и воскресеньем над островом особый самолёт летал, который порошок распыляет. От него вода из облаков гелевыми комочками выпа-

дает. Я один раз в школе попал под такое опыление, но гель не липкий оказался, а то я уже думал, что не отмоюсь.

– Это уж само собой.

Тут он Урсулу увидел и погрозил ей искусственной рукой с оттопыренным пальцем. Только она всё равно не видела, потому что рядом с клеткой торчала, что-то ногтем на бумеле рисовала.

– Ладно, мне пора! – Давид свернул на другую дорожку и пропал за пустым загоном с криптомериями. Тут у нас хотят мамонтёнка поселить, недавно в слониху клонированного эмбриона поместили. Как она его вырастит, так и будет у нас мамонт. Хоть он и не мутант и не редкий «домашний» вид, а ископаемое, зато посетителей ещё больше станет.

Давид почему-то считает, что Урсула специально по моей зоне гуляет, потому что хочет меня окрутить. А она мне сама говорила, что статью для научного журнала пишет, про необычный случай в нашем зоопарке. И стажировка у неё. Что ей, в лаборатории торчать? Она вообще-то некрасивая, совсем на героиню манга не похожа. И глаза узкие, а волосы она в сиреневый цвет красит. Лицо почти круглое, носик на нём как белая вишня торчит. Зато губы очень пухлые. Наверное, она их косметическим гелем накачала. А на грудь не хватило, что ли? Я вспомнил Флорины семьдесят джей и смутился. Нет, на работе надо забывать про покатушки, а то прогонят ещё.

На Урсуле было простое кособэ – нихонское тёплое кимо-

но с укороченными рукавами. Ноги у ней чулки с подогревом закрывали, всё-таки воздух был ноябрьский.

– Егор! – обрадовалась она и бумелем мне помахала. Я лихо так затормозил. – Хорошо, что ты на повере, я на нём обратно поеду. Ты почему мне вчера не позвонил? Я думала, ты хотел прийти в лабораторию.

– Ты же мне запретила в понедельник являться, – удивился я. – А ты не знаешь, почему Давид приходит сюда почти каждый день? Он же мой сменщик.

– Догадываюсь, – усмехнулась Урсула. – Платят-то ему больше, чем тебе, в два раза. И я торчу в зоопарке по пять-шесть дней в неделю. Егор, тебя приняли на работу только благодаря правительственной программе поддержки людей с чёрным паспортом. Вот почему я предлагаю тебе пройти ген-терапию. Лично мне ты симпатичен…

– У тебя же врачебной лицензии нет, – пробормотал я.

– Ты ведь не выльешь самодельное сакэ в раковину, – возразила она. – Чем оно хуже баночного? Даже чище будет.

– При чём здесь сакэ?… – не понял я. – А знаешь, если бы не мой дефект по Леф-1… – начал я рассказ про вчерашнее и зажал рот ладонью. Опять ударился в воспоминания, симатта! – Я был бы не такой волосатый и страшный, – закончил я поспешно.

– Здраво мыслишь, – усмехнулась она.

Тут мы достигли клетки с нашей главной сенсацией. Наверное, недаром к нам журналисты со всего света приезжа-

ли и директора для голика снимали. Я сам потом в генетических новостях раз десять сюжеты с нашим монстром видел. А весь фокус в том, что у него детёныш от самки шимпанзе родился. Монстра кличут Генки, хотя он редко когда весёлым бывает, в основном торчит в домике и носа наружу не показывает. Только на экране его и видно. Если бы не камера в его халупе, что бы посетители увидали?

Ростом он в два раза выше своей самки, и настолько же толще. Урсула говорит, что Генки похож на тибетского снежного человека. Такой же седой и мохнатый, почти как я, только у меня волосы желтоватые, а у Генки скорее серые. Морда у него суровая и клыкастая, но чем-то напоминает моё лицо, если приглядеться. Наверное, из-за волос. А как зарычит, страх пробирает. У него в прошлом месяце детёныш родился, настоящее чудо и успех науки. Хотя никто и не думал его «лечить» или ещё как стимулировать, Урсула-то точно знает.

Вот и сейчас они все трое – папаша и шимпанзе с младенцем – прятались в домике. Только нас с Урсулой они к себе и допускают. Урсула сказала когда-то раньше:

– Он правильно решил свою «дилемму заключённого». – А когда я не понял, добавила: – У Генки был выбор. Либо он бьётся за семью до последнего и мы его усыпляем на время опытов и анализов, либо он сотрудничает со мной. Честно говоря, от неразумного монстра я такого корректного поведения не ожидала…

Теперь она даже либидо и рефлексы может у Генки изу-

чать, и тот её не задирает. Урсула говорит, что так он страх потерять младенца выражает. Вообще-то у неё на поясе всегда висит генератор микроволн, с ним никакой монстр не страшен. Он автоматически включается, и кожа у агрессивного зверя под лучом моментально нагревается. Болевой шок и потеря сознания обеспечены. Даже коготь не успеет выставить.

Мы пробрались через облетевшие кусты, и Урсула пригнувшись вошла в домик урода. Я снаружи остался и через общий экран за ней наблюдал. Такие у меня обязанности. Животные пока не слишком проснулись, но завтрак им вот-вот должен был по автоматической линии прийти. Младенец, почти голый, ползал по животу мамаши и урчал, требуя пищи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.